

ПРЕДИСЛОВИЕ

Россию и Сербию объединяют давние, веками складывавшиеся отношения, которые не раз становились предметом исторических исследований взаимодействия русской и сербской культур в ходе обретения Сербией независимости и утверждения своей культурной идентичности на государственном уровне. Менее известно в России, что современная наука в Сербии сформировалась в первой трети XX в. преимущественно усилиями российских ученых, вынужденных покинуть свою родину после революции и Гражданской войны. Но и ранее Россия не только несла свободу и независимость Сербии, но и всячески способствовала зарождению сербской науки и развитию образования.

Обращаясь к общим вопросам трансляции научного знания из одного национального контекста в другой, его освоения в новой культурной среде, российские историки науки традиционно рассматривали проблему овладения Россией европейской наукой Нового времени в XVIII–XIX вв. История российско-сербских научных связей дает возможность детально изучить обратное явление — ситуацию, в которой Россия и ее ученые были «донорами» научного знания, активно формируя систему научного знания, научную терминологию и научное сообщество другой страны. Изучению уникального опыта становления и развития сербской науки под влиянием ярких представителей российского научного сообщества, анализу сложного и многогранного процесса установления и развития контактов и сотрудничества между Россией / СССР и Сербией / Югославией была посвящена международная конференция «Российско-сербские связи в области науки и образования: XIX – первая половина XX в.», прошедшая 20 октября 2008 г. в Санкт-Петербурге. Ее организаторами были Санкт-Петербургский филиал Института истории естествознания и техники РАН, университет города Крагуевац (Сербия) и Центр научных исследований Сербской Академии наук и искусств. С российской стороны в конференции участвовали сотрудники ИИЕТ и СПбФ ИИЕТ РАН, Санкт-Петербургского государственного университета, Библиотеки РАН, Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН. Сербская сторона была представлена профессорами и преподавателями университетов г. Крагуеваца, г. Новый Сад и Сербской академии наук и искусств.

Публикуемые материалы конференции очерчивают пути будущих исследований широкого спектра русско-сербского сотрудничества в гу-

манитарных, общественных, естественных и технических науках. В них рассмотрены различные аспекты взаимосвязей российских и сербских ученых, обрисована история русской академической эмиграции после Октябрьской революции в Королевстве сербов, хорватов и словенцев (с 1929 г. — Королевство Югославия), обозначена роль российской науки и литературы, русских ученых и литераторов в становлении и развитии определенных областей знания на территории этой южнославянской страны в XVIII—XX вв. Проведен обзор вклада выходцев с территории современной Сербии, Черногории и Далмации в культурную жизнь Российского государства. Вниманию читателей предложена история обучения представителей королевских и княжеских домов Сербии и Черногории в учебных заведениях Санкт-Петербурга, а также история поступления черногорской этнографической коллекции в Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН. Авторы надеются, что сборник будет способствовать развитию научных связей с сербскими исследователями, в том числе со всех территорий исторического расселения сербов и некогда объединенных в единую страну.

Однако научное значение сборника представляется гораздо более значимым. Обсуждаемые в нем вопросы связаны с пониманием механизмов и путей сохранения и развития национальной науки в периоды разнохарактерных национально-политических кризисов. Волею судеб и Сербия, и Россия оказались в эпицентре глобально-исторических разломов, завершившихся крупными социально-политическими и экономическими катаклизмами и в конечном счете — распадом Югославии и СССР. Если данная тематика до сих пор обсуждалась преимущественно в политологических и социально-философских работах, то здесь предпринимается попытка охватить разные аспекты противоречивых и порою разнонаправленных процессов формирования и сохранения национальной науки в условиях сложных социально-политических трансформаций и кризисных ситуаций, включая революции, мировые и гражданские войны. Это позволяет лучше понять роль контактов между отдельными учеными, научными сообществами и учреждениями в сохранении национальных наук. Не менее интересен и вопрос о механизмах и трудностях интеграции эмигрантов в научное сообщество другой страны, несмотря на близость языка, конфессий и культур. В целом изучение опыта русско-сербского сотрудничества в области науки способствует лучшему пониманию взаимодействий национальных культур в геополитическом контексте.

Э. И. Колчинский

I. ПУТИ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКО-СЕРБСКИХ СВЯЗЕЙ В ОБЛАСТИ НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ

Лиляна Миятович, Александр Петрович, Джордже Джурич

Метаморфоза русско-сербских интеллектуальных связей

Каждое повествование о русско-сербских связях и отношениях неизбежно должно начинаться с напоминания о том, что русские и сербы — народы одного славянского корня. Народы, чей язык, обычаи, верования и культура происходят из одного источника. В результате практически двух тысячелетий обособленного развития каждый народ сформировал свою собственную культуру, но и в значительной степени сохранил общие черты в сферах коллективного и индивидуального сознания.

В средние века русское и сербское государства были созданы на основе византийской универсальной традиции и христианской религии в ее православной ветви. Литература и изобразительное искусство обоих славянских народов строилась по византийским образцам, а свою принадлежность к византийскому содружеству средневековые династии Рюриковичей и Неманичей обозначали браками с византийскими принцессами. И русские, и сербы внутри православия сохраняют многочисленные славянские народные верования и обычаи, существующие в «перелицованном» виде и по сей день.

Оба народа в конце средних веков пережили великие сокрушения, когда насильственно было приостановлено естественное развитие их государств, институтов и культур. Российское государство захватили монголы, а сербское — турки. Наступил период многовекового рабства, которое оставило глубокий след в обеих славянских культурах. В конечном счете, и монгольское, и турецкое ярмо было сброшено, началось возрождение национального государства, но народный дух и культура как русских, так и сербов хранит глубокие отпечатки культуры захватчиков. Уже бесчисленное количество раз прозвучало выражение «поскреби русского — найдешь татарина». Сербь в этом также

не оригинальны — практически в каждом из нас живет часть турецкого наследия.

Россияне, к своему счастью, смогли раньше воссоздать страну и в короткий срок превратили ее в мощное государство, в то время как сербы продолжали освободительную борьбу вплоть до начала XIX в. Единственная национальная институция сербов — Сербская православная церковь (которая, скорее, была хранителем государственной традиции и народной культуры, чем религиозным учреждением), установила тесные связи с российским государством и русской церковью. В XVIII в. сербская церковь начала процесс обновления сербской школьной системы при непосредственной помощи России; существенную роль в этом процессе сыграли Максим Суворов и Эммануил Козачинский.

В переломные годы сербской истории, в 1804 г., когда великий Карагеоргий Петрович начал восстание, превратившееся в национальную революцию за возрождение сербского государства, возникли политические отношения между сербскими восставшими и российским государством. Приведем высказывание протоиерея Матея Ненадовича, возглавлявшего сербскую делегацию в России в 1804 г. Отправившись в Россию искать помощи в восстании против турецкого владычества, Ненадович записывает в мемуарах: «Из народных песен мы слышали, что Россия существует, но где точно она находится, мы и не знали». Разве не странно искать помощи у кого-то, кто и находится-то неизвестно где? Такого можно ожидать только от самых близких родственников. Эта надежда сербов на помощь русских станет константой следующих двухсот лет сербской истории. Вторая константа, образовавшаяся во время упомянутого восстания и существующая по сей день, сформулирована следующим образом: Сербия вызывала недовольство Запада, как только вступала в более близкие отношения с Россией.

Нет таких народов, история отношений которых не знает непонимания и политических столкновений, примеры тому мы находим между сербскими и российскими политическими элитами. Возможно, самой яркой иллюстрацией послужат конфликты между Карагеоргием и русским дипломатическим представителем в Сербии К. К. Родофиникиным в начале XIX в. или между И. В. Сталиным и Иосипом Броз Тито в конце 1940-х гг. Тем не менее, такие политические столкновения уступали место длительному сотрудничеству, и, что еще важнее, они никогда не выходили за пределы политики, не влияли на мнение о российском или сербском народах и на межкультурные отношения между нами.

Русско-сербские отношения часто рассматриваются в политическом контексте, однако об интеллектуальном аспекте, в первую очередь научном, написано не так много исследований. Можно сказать, что такая работа находится в начале пути. Начнем с основной вехи, обозначающей суть русско-сербских отношений. Обратим внимание на случай, который в нашем представлении является парадигмой, а не эпизодом. Известно, что одним из главных героев романа Л. Н. Толстого «Анна Каренина» является Алексей Вронский. Но не столь известно, что этот персонаж родился в результате литературной транспозиции жизни полковника русской армии Николая Николаевича Раевского (3-го), потомка древнего аристократического рода, верного идее и ценностям русского исторического и культурного самосознания. Л. Н. Толстой не случайно помещает его в центр романа. Став добровольцем, Николай Раевский в 1876 г. приезжает в Сербию и присоединяется к сербской армии, стремящейся освободить свою страну от векового турецкого рабства. В то время Европа хладнокровно созерцала действия сербов и оставила их в одиночестве сражаться с турецкой армией, превосходящей и числом, и вооружением.

Там, где заканчивается история, начинается миф. В гиблые сербские окопы приезжают добровольцы из России, всего их около трех тысяч, в основном офицеры. Среди них выделяется генерал М. Г. Черняев, ставший впоследствии главнокомандующим сербской армии. Один из добровольцев — полковник Николай Николаевич Раевский (3-й). Подвиг его деда, генерала Николая Николаевича Раевского (1-го), в Бородинском сражении описал Л. Н. Толстой в романе «Война и мир». Его сыну, Николаю Николаевичу Раевскому (2-у), А. С. Пушкин посвятил стихотворение «Кавказский пленник». Бабушка Николая Николаевича Раевского (3-го) — Софья Алексеевна (в девичестве Константинова) — внучка М. В. Ломоносова. Возможно, благодаря таким родовым корням Раевский заканчивает физико-математический факультет Московского университета. Род Раевских как будто пребывает между литературой и историей, мифом и реальностью, поэзией и наукой. Пытаясь найти точку равновесия в самоопределении, Раевский все же выбирает ратный путь; отслужив в гвардейском полку и получив чин полковника, он отправляется в Сербию. Николай Раевский погиб в бою с турками 20 августа 1876 г. Но уже на следующий год он воскреснет как литературный герой Алексей Вронский в романе Л. Н. Толстого, а на месте его гибели, в местечке Адровац у г. Алексина, усилиями Марии Раевской и сербской королевы Наталии Об-

ренович в 1902 г. будет построена церковь Святой Троицы, существующая и поныне. Важно отметить, что на стенах церкви изображены мотивы из истории обоих народов, вместе с Александром Невским мы видим святого Саву Сербского.

Таким образом Л. Н. Толстой через Николая Раевского и Алексея Вронского соединил русскую литературу и сербскую историю, перейдя границу, разделяющую вымысел и реальность. Он разместил центр русско-сербских интеллектуальных отношений там, где они всегда и находились — между легендой и реальностью. В некоторой степени это их естественное состояние. При всем стремлении русско-сербские отношения нельзя назвать полностью рациональными, ведь эмоции в этих отношениях, коллективное бессознательное, как бы определили психологи, всегда находили способ выражения, а перевес зачастую был на их стороне. Смерть Раевского в Сербии сделала его героем романа Толстого — в своем метафорическом существовании Вронский более всех достиг внутреннего соединения сербской и русской культур, воплощая их максимальное экзистенциальное соприкосновение, в котором пересекаются история, религия и искусство. Непросто будет найти другой пример, который может сравниться по глубине и силе связи.

Встреча сербской и русской культур не находит более сильного символа, чем личность Николая Раевского — Алексея Вронского. Искусство Толстого не осталось только на страницах книги, а превратилось в архетип прошлой и будущей жизни. В 1914 г., во время Первой мировой войны, принятие Россией стороны Сербии создало угрозу существованию страны. В итоге царская Россия исчезла, чтобы появился Союз Советских Социалистических Республик, как и не стало Сербии, вместо которой возникла Югославия.

На месте гибели Раевского построена церковь — так и после гибели царской России великой волной русской эмиграции в Сербии создается настоящий научный храм. Русские ученые и художники оказали значительное влияние на развитие сербской науки и культуры, своими трудами они создали в Сербии своего рода аналог церкви Святой Троицы под Алексинцем. Влияние идей и культурная близость находили все большее практическое выражение. Русские артисты основали балет в Белградском Народном театре, архитекторы создали проекты монументальных зданий в Белграде и во всей Сербии, около семидесяти русских ученых получили звание профессоров Белградского университета, причем девять из них стали членами Сербской

королевской академии наук и искусств. После Второй мировой войны членами Сербской академии наук и искусств становятся приехавшие в Сербию в 1920-х гг. семнадцатилетними эмигрантами Георгий Острогорский — основатель сербской византистики, и Константин Воронец — инженер-механик.

По окончании Второй мировой войны в изменчивом русле политических обстоятельств русско-сербские интеллектуальные связи находят продолжение, но, на сей раз, без той интенсивности, которую им придавали переломные исторические события прошлого. В середине 1950-х гг., когда конфликт с Информбюро был исчерпан, возобновились отношения между учреждениями СССР и СФРЮ, продолжилось сотрудничество в различных областях науки и обмен опытом ученых двух стран. В то же время современные Сербия и Россия не имеют договора о двустороннем научном сотрудничестве, и отношения в области науки скорее результат отдельных инициатив, а не систематически развивающегося процесса. Например, введя в поисковую систему Google фразу „Russian Serbian intellectual relations“, мы получим 0 страниц. Исходя из перспективы истории науки, мы имеем убедительные доказательства, что пришло время приступить к содержательному пониманию российско-сербских отношений, так как еще со времен Атанасия Стойковича и Огнеслава Костовича история науки — более чем увлекательное и плодотворное поле для исследований. Мы надеемся, что эта первая двусторонняя конференция в Санкт-Петербурге войдет в интеллектуальную историю как шаг в этом необходимом направлении.

Перевод с сербского М.В. Хартанович

Сербы на этнических картах славянских народов Европы (вторая половина XIX – начало XX в.)

Изучение динамики расселения народов, населяющих обширные пространства обитаемого мира, ведется уже более трех столетий. Одними из самых информативных документов в этом отношении являются этнические карты. Изучение истории этнического картографирования представляет собой основу познания современного состояния распределения наций и народностей.

В картографическом собрании Библиотеки Российской академии наук сохранилось немало печатных этнических картографических документов. В 2005 г. сотрудники Сектора картографии Библиотеки РАН получили грант РГНФ на исследование по теме «История этнического картографирования в России XVIII – начала XX в. в документах»¹. Целью проекта было выявление, описание и введение в научный оборот печатных и рукописных этнических картографических документов (называвшихся в XIX в. «этнографическими картами»), составленных в течение XVIII – начала XX в. отечественными и иностранными учеными на территорию Российского государства и отдельных его частей: Европейской части, Сибири, Кавказа, губерний, уездов и иных административно-территориальных образований².

Было выявлено и описано более 300 печатных карт и планов, ряд рукописных этнографических карт и чертежей, а также найдено несколько десятков упоминаний в научной литературе и архивных документах о составлявшихся этнических картах. В основу систематизации обнаруженных документов был положен территориальный принцип. Но, как обычно бывает, и на этот раз не обошлось без исключений — отдельную, сопоставимую по объему с другими группу составили этнические карты славянских народов, нередко показывающие терри-

¹ Грант РГНФ «История этнического картографирования в России XVIII – начала XX в. в документах». № 05-01-01361а.

² Результаты исследования будут представлены в подготавливаемом аннотированном каталоге картографических документов, составленных учеными Академии наук, Русского географического общества и других учреждений и ведомств, на территорию России и ее отдельных частей в период XVIII–XX вв.

торию не только Российской империи, но и Европы. Таким образом, возникла необходимость выйти за объявленные в исследовательском проекте рамки и продолжить работу, целенаправленно разыскивая сведения об этнических картах и этнические карты славянских народов. Настоящее сообщение посвящено описанию лишь нескольких этнических карт из тех, на которых помещены сведения о сербском народе. Здесь можно выделить два блока документов: иностранные карты (карты, подготовленные иностранными учеными и изданные в европейских государствах) и российские карты (изданные в России, на русском языке или подготовленные отечественными учеными).

Известно, что само понятие «этническая карта» возникло в середине XIX в., когда такие картографические произведения стали составлять на основе статистических данных о национальном составе населения, что давало возможность с большой долей вероятности очертить границы расселения того или иного народа. Первоначально на ранних картах и чертежах данные о расселении народов и племен по территории государств отражались при помощи этнонимов, без указания этнических границ. В частности, именно так составлена карта сербского автора Димитрия Давидовича «Земли, в которых пребывают сербы» (Данные по истории сербского народа. Вена, 1821). На этой карте, составленной после Второго сербского восстания, показаны земли, где сербы проживают в пределах и за пределами своего прежнего Царства Стефана Душана³. Кроме того, здесь отмечены некоторые города, духовные и культурные центры, имеющие важное значение в истории сербского народа, например, Косово, где в 1389 г. произошло сражение сербов с турками и разгром сербских войск. Цель карты — способствовать пробуждению национального самосознания сербов во время многовекового турецкого гнета⁴.

Начало составления этнических карт в Европе было связано именно с подъемом национального движения в многонациональных империях. Первая точная для своего времени карта „Slovanský žemevid“, по-

³ Царство Стефана Душана существовало с 1346 г. После Косовской битвы в 1389 г. и разгрома сербского ополчения турками Сербия попала под владычество Турции. В 1815 г. Сербия добилась автономии в составе Турции; в 1878 г. Сербия обрела независимость.

⁴ Атлас Древней Сербии: Европейские карты Косово и Метохии / Др. М. Вемич, М. Стругар; пер. на рус. яз. С. Луганская. Цетинье, 2007. (Београд: Портал). 316 с.: геогр. карт. Карта № 18.

казывающая расселение славян по территории Австро-Венгрии, была подготовлена на основе статистических данных одним из крупнейших представителей словацкого возрождения, славистом П. Шафариком в 1842 г.⁵ Она и послужила в дальнейшем основой множества карт, дающих представление о распределении славянских народов в Европе.

Во второй половине XIX в. было издано значительное число этнических карт территории Сербии, Балканского полуострова, Европейской Турции. В их составлении принимали участие многие сербские ученые — М. Ст. Милоевич (Историко-этнографическая географическая карта сербов и сербских (югославских) земель в Турции и Австрии, 1873), Д. Жегликович (Этнографическая карта Балканского полуострова, 1875), В. Карич (Карта распространения сербов, 1887), С. Гопчевич (Этнографическая карта Древней Сербии и Македонии, 1889), М. В. Веселинович (Этнографическая карта Сербии, 1889), М. Й. Андранович (Этнографическая карта сербских земель с южной границей Древней Сербии и границей Сербии Царя Душана, 1905), Й. Цвиич (Политико-этнографический эскиз Македонии и Древней Сербии, 1906); Этнографическая карта сербского народа (приложение к брошюре «Аннексия Боснии-Герцеговины и сербский вопрос», 1909); Этнографическая карта Балканского полуострова (к статье «Распоряд Балканских народов», 1913); Carte Ethnographique de la Peninsule des Balkans, (1918) и др. На картах была отражена не только чрезвычайно пестрая картина расселения на этих землях сербов, болгар, греков, румын, турок, албанцев и др., но и сложная конфессиональная ситуация. Постепенно усложнялась легенда карт, возрастало число этнических единиц, уточнялись этнические границы. И хотя воззрения местных ученых чаще всего не были свободны от политических и национальных влияний⁶, все же составленные карты достаточно верно отражали полноту знаний об этнической ситуации на Балканах.

Труднее приходилось иностранным исследователям, которым сложно было охватить во всей полноте разнообразные и сложные вопросы этнографии Балкан. Турецкое владычество затрудняло научное исследование Сербии и прилегающих территорий, а снаряжение научных экспедиций оказывалось почти невозможным. Тем не менее уче-

⁵ Slovánský zemevid / Od P. I. Šafaříka. V Praze, 1842.

⁶ Например, в вопросе о судьбе и этническом составе Македонии в связи с разразившейся в 1912 г. войной балканских народов с Турцией (*Флоринский Т. Д.* Новая этнографическая карта Южной Македонии. Киев, 1914. С. 2).

ные и специалисты из Франции, Пруссии, Великобритании и Австро-Венгрии также занимались этнографическими исследованиями, и на изданных ими картах были отражены границы расселения сербского народа в Европе.

Особенно сложной была картина расселения народов на Балканском полуострове, и это создавало значительные трудности для нанесения даже относительно точных этнических границ. Важным источником здесь послужила «Карта Дунайской Болгарии, Балкана и Юго-восточной Сербии» (СПб., 1876), выполненная по глазомерным съемкам Ф. Каница, австрийского географа и этнографа, знатока жизни южнославянских народов, много раз путешествовавшего по Балканскому полуострову. К сожалению, сейчас карта известна значительно меньше, чем сопровождавшая ее книга Каница — «Дунайская Болгария и Балканский полуостров: исторические, географические и этнографические путевые наблюдения»⁷.

Среди заметных этнических карт можно назвать также «Этнографическую карту Европейской Турции и ее областей в начале 1877 г.» (Вена, 1878), составленную К. Саксом, консулом Австро-Венгерской империи в Адрианополе⁸; «Этнографическую карту Сербии» (Лондон, 1909)⁹, автором которой является известный британский исследователь сербского этнического пространства А. Стед, и др. Глубокие изменения в этнической ситуации связаны со следовавшими одна за другой Балканскими войнами, поэтому этнические карты сразу по выходе нередко отражали уже прошлое, хотя и очень близкое. Обострение этнических проблем на Балканах, связанное с началом Первой мировой войны, привело к новому всплеску интереса к этническим картографическим документам. В течение непродолжительного времени были подготовлены и изданы десятки карт, например: «Этническая и язы-

⁷ Русский перевод издания был сделан с немецкого „Donau-Bulgarien und der Balkan“, вышедшего в 1860 г. В своей книге автор осуждал турецкое владычество на Балканах. Идеиная направленность книги Каница настолько не понравилась турецким властям, что экземпляры ее были преданы в Стамбуле сожжению.

⁸ Ethnographische Karte der Europaische Türkei und ihrer Dependenzen zu Anfang des Jahres 1877 / von Carl Sax k.u.osterreichisch-ungarischer Consul in Adrianopel. Wien: Ed. Holzels institute, 1878. Mittheilungen der k. k. geograph. Gesellschaft 1878. Taf. III. Вена, 1878.

⁹ Ethnographical map of Serbia / Alfred Stead // Servia by the Servians. London, 1909.

ковая карта Средней Европы с Италией и Балканским полуостровом» Г. Фрайтага (Вена, начало 1910-х гг.)¹⁰; «Расы Балканского полуострова» — одна из самых значительных этнографических карт, составленная выдающимся британским специалистом Р. В. Ситон-Уотсоном (Лондон, 1917)¹¹, и многие др.

Можно с уверенностью утверждать, что в Российской империи начало составления этнических карт связано именно с деятельностью европейских славистов. Основоположником нового для России направления — составления этнических карт — стал статистик П. И. Кеппен. Во время путешествия по Европе в 1822–1824 гг., предпринятого им для установления связей с европейскими учеными и доставления им сведений о славянских древностях, он встретился с П. Шафариком (тогда директором Сербской гимназии в Новом Саде (Нейзаке)) и познакомился с его работами. Возможно, именно это побудило Кеппена, уже прежде собиравшего сведения о различных наречиях, заняться также вопросом об их географическом распределении. Однако при составлении первых в России этнических карт — Финляндии (С. И. Барановский, завершена и опубликована П. И. Кеппеном, 1848), Санкт-Петербургской губернии (1849) и Европейской России (1851) — Кеппен поставил своей задачей показать расселение малочисленных по сравнению со славянами «инородческих племен».

Безусловно, наибольшие достижения в деле составления в России этнических карт славянских народов связаны с деятельностью славянских общественных организаций, а также отечественных славистов.

Определенную положительную роль в развитии отечественной и зарубежной славистики сыграл Славянский съезд 1867 г., приуроченный к Всероссийской этнографической выставке, который стал крупным событием в общественно-политической и культурной жизни славянских стран и России. Организационным центром съезда был Московский Славянский благотворительный комитет, основанный еще в 1858 г., первоначально для помощи иностранцам-славянам, учащимся в России, и культурным учреждениям в зарубежных славянских странах. Открывшиеся в Петербурге, Киеве и Одессе отделения

¹⁰ Volker- und Sprachenkarte von Mittel-Europa nebst Italien und der Balkaninsel. — Nach den neuesten statistischen Veröffentlichungen bearbeitet / G. Freytags. Wien, [191+].

¹¹ The Race of the Balkan peninsula / By R. W. Seton-Watson D. Litt. London, 1917.

были вскоре преобразованы в самостоятельные «Славянские благотворительные комитеты». В 1876 г. Санкт-Петербургский комитет стал Санкт-Петербургским Славянским благотворительным обществом.

На съезде присутствовали сербы, хорваты, словаки, словенцы, чехи, лужичане, зарубежные украинцы. Многие, как в России, так и за границей, отнеслись к съезду отрицательно, полагая, что это — политический маневр России, стремящейся включить в круг своего влияния все славянские народы. Однако нельзя не отметить, что после съезда укрепились научные и литературные связи, оживилась переписка с зарубежными славянскими деятелями. С этого времени и отечественные ученые стали работать над составлением этнических карт, показывающих расселение славянских народов по территории Европейской России и Европы. Изображению территорий проживания сербов нередко уделялось особое внимание как из-за того, что тогда еще недостаточно точно было определено понятие этой народности, так и из-за чрезвычайной пестроты поселений разных этнических групп на пространстве Балканского полуострова.

В 1867 г., возможно специально подготовленная к съезду, вышла из печати «Этнографическая карта славянских народностей» М. Ф. Мирковича, охватывающая территорию Европейской России, Кавказа и европейских государств. В объяснительной записке Миркович подробно описал, какими источниками пользовался при составлении своей карты. Одним из основных была карта Шафарика, использованы были и данные карт Кеппена. Сложная этническая ситуация на Балканах не всегда позволяла очертить точные этнические границы в масштабе карты. Так, территории смешанного проживания были показаны на карте полосами тех цветов, которыми обозначались эти народности: например, где арнауты жили в пределах сербской и болгарской территорий. Карта Мирковича выдержала несколько изданий в 1874 и 1877 гг. К изданию 1877 г. были приложены статистические таблицы, показывающие распределение славян по государствам и народностям, а также по вероисповеданиям, азбукам и литературным языкам, составленные известным филологом-славистом, профессором А. С. Будиловичем¹². В число десяти выделенных им славянских народностей вошли сербо-хорваты, верхнелужицкие и нижнелужицкие сербы.

¹² В 1901 г. А. С. Будилович был избран членом Сербской Королевской академии. С 1881 г. он являлся членом-корреспондентом Санкт-Петербургской академии наук.

Впервые в России расселение славянских народов было подробно показано на «Этнографической карте Европейской России» (1875), составленной военным топографом, членом РГО А. Ф. Риттихом. Позднее Риттих составил общую «Этнографическую карту славянского мира», охватывающую территорию Российской империи, восточную часть Европы и северную часть Азии¹³.

Российские историки, слависты, публицисты (Т. Д. Флоринский, А. Кочубинский, В. В. Комаров, Н. С. Зарянко, М. О. Коялович и др.) также собирали сведения о славянских народах и их расселении в историческое время по территории Европы и Малой Азии. На опубликованных по результатам исследований этнических картах нашли отражение все детали распределения европейских славянских народов, выделены территории, населенные сербами. И хотя некоторые из этих отечественных деятелей по своим идейным взглядам входили в крайнее правое крыло отечественного славяноведения, нельзя не согласиться с тем, что они внесли важный вклад в формирование общих представлений о расселении славян в Европе.

В конце 1880-х гг. в Санкт-Петербурге вышла из печати «Карта западнославянских и югославянских земель и прилежащих стран», составленная выдающимся деятелем галицко-русского возрождения Я. Ф. Головацким. Карта являлась составной частью издания труда Головацкого «Географический словарь западнорусских и югославянских земель и прилежащих стран», в котором он пытался восстановить местную славянскую географическую терминологию. Поэтому, наряду с общепринятыми, автор поместил на карте старинные славянские названия: «Балтийское море (в старину Варяжское)», «Мраморное море (в старину Белое)», «Адриатическое море (в старину Синее)» и др. В то же время Головацкий старался вернуть прежние географические названия городов и местностей, вошедших в русскую литературу

¹³ Карта вышла как приложение к его труду «Славянский мир: историко-географическое и этнографическое исследование» / Сост. А. Ф. Риттих; Имп. Моск. о-ва любителей естествознания, антропологии и этнографии; Имп. Вольного экономического общества; СПб. Славянского благотворительного общества; Харьковского статистического комитета и др. Варшава, 1885. В тексте помещены, наравне с другими, около 10 черно-белых мелкомасштабных карт территорий расселения сербов. Обширный труд этот, к сожалению, нельзя считать научным исследованием, из-за ярой славянофильской позиции, которую занимает автор, однако этническая карта и схемы в тексте представляют несомненный интерес.

ру в немецком варианте, например «Львов» вместо «Лемберг». Особую ценность представляет помещенная на карте таблица, в которой приведены статистические сведения о славянах, живущих в Пруссии, Австро-Венгрии, Боснии и Герцеговине, Румынии, Черногории, Сербии, Болгарии и др. по административным районам.

При Санкт-Петербургском Славянском благотворительном обществе в 1890 г. началось издание «Русско-Славянского календаря», в приложении к которому должны были быть изданы «портреты и рисунки с изображением разных славянских местностей, обрядов и достопримечательностей». Однако по причине «неудовлетворительного исполнения» их заменили составленной Н. С. Зарянко «Картой славянских народностей»¹⁴. В 1890 г. карта, охватывающая территорию Европейской России и восточную часть Европы, вышла в двух вариантах. Первый — карта и сопровождающие ее статистические таблицы распределения славян по вероисповеданиям, азбукам и наречиям, и второй — то же, но с сопровождающим текстом, озаглавленным «Заметка для друзей и недоброжелателей Славянства», составленным, по-видимому, издателем карты В. В. Комаровым¹⁵. Основным содержанием текста было обращение к сербским, хорватским и болгарским ученым указать на несоответствия, допущенные при изображении территорий расселения их народов, поскольку карту предполагалось переиздавать еще несколько раз «с уверенностью достигнуть должной точности». Можно отметить особенное внимание к верному определению именно сербской народности: в тексте обращается внимание на «непростительный и невежественный промах», допущенный при составлении карты — объединение в одну народность «южных Сербов» и «западных Сербо-Лужичан». По замыслу составителей ежегодное издание календаря с приложениями должно было дать полную картину обычаев, типов, истории славянских народов.

¹⁴ Первое издание карты было осуществлено в 1889 г. как приложение к «Славянским известиям» (№ 52 за 1889 г.), издававшихся Санкт-Петербургским Славянским благотворительным обществом.

¹⁵ В. В. Комаров, закончивший Николаевскую академию Генерального штаба, в 1876 г. отправился в Сербию, где служил начальником штаба тимокоравской армии и был произведен в сербские генералы. По возвращении в Россию после окончания русско-турецкой войны занимался издательской деятельностью.

Одним из самых значительных достижений стала «Этнографическая карта западного славянства и Западной Руси» (Киев, 1911), составленная профессором Т. Д. Флоринским (издание Санкт-Петербургского Славянского благотворительного общества). Приложением к карте служит небольшая брошюра «Этнографическая карта западного славянства и Западной Руси: Приложение: Объяснения. Источники и пособия. Статистические данные. Поправки» (Флоринский Т. Д. Киев, 1911). Задача этой карты — «представить возможно более полно, точно и наглядно географическое распределение юго-западных (южных) и северо-западных (западных) славянских народов и западной части русского народа и их разграничение как между собой, так и с иноплеменными народами, живущими в непосредственном соседстве со Славянством или на славянской земле»¹⁶. Автор признает, что осуществление этой задачи в связи с современными научными требованиями представляет иногда непреодолимые трудности, главнейшие из которых — отсутствие источников: недостаток хороших подробных этнографических карт для большинства славянских народов и надежных сведений об этнографических отношениях в некоторых славянских областях, например, Старой Сербии, Добрудже, Бессарабии и др. Кроме того, Флоринский отметил и противоречивость таких сведений для земель славянского мира даже в таких странах, где правовой государственный строй и состояние образованности позволяли надеяться на наличие более объективных официальных данных — Австро-Венгрия и Пруссия. В то же время необходимо отметить, что карта Флоринского подводит, хотя и промежуточный, но итог многолетним этническим исследованиям, поскольку при ее составлении автор использовал, вероятно, все известные на тот момент источники: карты, описания, статистико-этнографические труды о славянских народах периода XIX — начала XX в., архивные документы и данные, собранные им путем переписки и встреч с местными славянскими учеными деятелями¹⁷.

¹⁶ Флоринский Т. Д. Этнографическая карта западного славянства и Западной Руси: Приложение: Объяснения. Источники и пособия. Статистические данные. Поправки. Киев, 1911. С. 1.

¹⁷ Там же. С. 3–22. Перечень важнейших источников и пособий составляет около 300 наименований на немецком, французском, английском и славянских языках. Поскольку многие из них есть в составе картографического собрания Библиотеки РАН, представляется возможным составить аннотированный каталог этих произведений.

Одним из самых трудных вопросов автор называет разграничение сербской и болгарской народностей. На данной карте представлено более точное, по мнению Флоринского, решение этого вопроса, чем приведенное в его же книге «Славянское племя: Статистико-этнографический обзор современного славянства» (Киев, 1907).

В приложении к карте помещены также статистические данные о численности славян к началу 1911 г., как в целом, так и в составе государств, земель и областей. Дана численность сербо-хорватов в Сербском королевстве, Черногорском королевстве, Австро-Венгрии, Турции, России, Италии, Америке, а также сербо-лужичан в Саксонии, Пруссии, Америке, Австралии и других землях¹⁸. Таким образом, карта в значительной степени отразила современное на тот момент состояние знаний о географическом распределении и разграничении славянских народов.

Комплекс этнических картографических документов XIX – начала XX в. Библиотеки РАН, включающий иностранные и отечественные произведения, позволяет проследить, как изменялась картина расселения сербов и формировались научные представления об этнических границах на протяжении этого времени. Эти документы, по свидетельству Т. Д. Флоринского, могут «служить толчком к дальнейшему, более тщательному исследованию наиболее трудных, темных и спорных вопросов славянской этнографии и тем облегчить в будущем появление в близком будущем такой полной и подробной этнографической карты славянства, в которой уже все будет ясно, точно и бесспорно»¹⁹.

¹⁸ Флоринский Т. Д. Этнографическая карта западного славянства и Западной Руси: С. 23–25.

¹⁹ Там же. С. 2.

Влияние русской культуры на творчество Йована Раича, основателя сербской научной историографии

Архимандрит Йован Раич (1726–1801) считается основателем современной сербской исторической науки. Его работы, опубликованные в 4-х томах под названием «История разных славенских народов наипаче Болгар, Хороватов и Сербов», были написаны во второй половине XVIII в. и оставались важнейшим источником сведений о сербской истории на протяжении следующих 100 лет¹. Данные работы являлись существенным источником для формирования национального духа сербского народа во времена борьбы против турок и национальной революции, начавшейся в 1804 г. Большое влияние на личность Раича и на его научные взгляды оказала русская культура и наука. Это воздействие было многосторонним и исходило из всеобщего влияния русской культуры на сербскую литературу, язык и культуру XVIII в. Раич начал свое обучение в русской школе в Сремских Карловцах, а окончил его в Киевской духовной академии. К тому же он был современником русского историка и государственного деятеля В. Н. Татищева и пользовался теми же методами и подходами, что и русские историки, работавшие в то время.

Так же как развитие русского средневекового государства и культуры было насильно прервано монгольским нашествием, так и естественное развитие сербского государства — прервано турецким завоеванием. Несмотря на это в течение пяти веков турецкого ига сербский народ сохранил свою культуру и, что особенно важно, государственную традицию. В условиях, когда письменность сохранялась только в монастырях, эта традиция передавалась через формы устной литературы, игравшей

¹ Ниже приводим лишь краткий перечень литературы, посвященной жизни и творчеству Йована Раича: *Руварац Д.* Архимандрит Јован Раич 1726–1901. Сремски Карловци, 1901; *Радоич Н.* Српски историчар Јован Раич. Београд, 1952; *Самарджич Р.* Писци српске историје. Београд, 1976. I. С. 29–77; Йован Раич. Живот и дело / Ред. М. Фрайнд. Београд, 1997; Сборник радова научног скупа «Йован Раич. Историчар, песник и црквени великодостојник» / Ред. Ч. Попов. Нови Сад, 2002; История культур славянских народов. М., 2005. Т. II. С. 269–271; *Лешиловская И. И.* Сербский народ и Россия в XVIII в. СПб., 2006. С. 166–169.

тогда ту же роль, какую теперь играет история. Единственным институтом была Сербская православная церковь, которая сохраняла народную культуру и была политическим предводителем народа.

Вследствие войн ведущих европейских государств на Балканах и многочисленных переселений, в начале XVIII в. сербский народ был разделен между двумя сильными государствами. К югу от рек Сава и Дунай сербы жили в Турции, а к северу от этих рек — в Австрии. Несмотря на географическое разделение, сербский народ сохранил культурную и церковную целостность. Связи сербского народа и церкви с русским государством и церковью усиливаются в начале XVIII в. Особенно прочными они были во времена императора Петра I, императриц Елизаветы Петровны и Екатерины II. Со времен Петра I все больше сербских монастырей принимают финансовую поддержку из России, увеличивается число сербов, поступающих на русскую государственную службу. Во время правления Елизаветы произошло переселение сербских солдат-пограничников в южную Россию, где они получали привилегии и создавали автономные территории под названием «Новая Сербия» и «Славяносербия»².

По причине большого давления иезуитов и государственных властей на сербов в Австрии с целью привлечения к униатской церкви, сербские митрополиты обращаются за помощью в Россию. Карловацкая митрополия (так называлась церковная организация сербов под австрийской властью) выписывает книги из России, чтобы уменьшить влияние униатской церкви. Для этого в Сербию приглашают и русских учителей, которые открывают русские школы для сербской молодежи. Таким образом в Сремских Карловцах — духовном центре сербов в Австрии — были основаны школы Максима Суворова и Эммануила Козачинского (последний сыграл большую роль и в театральной жизни сербов). Эти школы продержались недолго, но имели большое влияние на образование сербских интеллектуалов, которые в них учились. Австрийская власть запрещала ввоз книг из России, якобы по экономическим причинам, но их по-прежнему привозили и даже занимались контрабандой³.

² Подробнее см.: *Костич М.* Српска насеља у Русији, Нова Сербия и Славено-сербия. Београд, 1923; *Форишкович А.* Политички, правни и друштвени односи код Срба у Хабсбуршкој монархији 1739–1804. Историја Српског народа. Т. IV. С. 233–284; *Рудяков П.* Сеоба Срба у Русију у 18 Веку. Београд, 1995.

³ *Лециловская И. И.* Сербский народ и Россия в XVIII веке. С. 129–170.

Йован Раич родился в 1726 г. в Сремских Карловцах. Это произошло как раз в то время, когда упомянутый выше русский учитель Максим Суворов начинал свою деятельность в этом городке, позже известном под названием Сербский Сион.

Начальную школу Раич проходил по русской школьной программе и по русским книгам. Поскольку у сербов тогда не было ни одной гимназии, он был вынужден продолжить обучение в Комароме в иезуитской гимназии. Раич позже напишет, что из-за церковного содержания и попыток иезуитов приобщить его к униатской церкви он был вынужден перейти в протестантскую гимназию в Шопроне. За это время Раич написал несколько литературных сочинений и работ религиозного содержания. Давление иезуитов еще более укрепило Раича в православии. Ему хотелось продолжить обучение, изучить богословие, чтобы своим знанием помочь сербам избавиться от униатского давления со стороны Австрии⁴. По этой причине в 1753 г. он поступил в Киевскую духовную академию. В Киев он пришел пешком, без денег. По сохранившимся данным этого периода известно, что Йован Раич был одним из самых прилежных и успешных студентов. Учебу он закончил за три года с лучшими оценками. Как записал один из студентов, Киевская духовная академия для сербов того времени была «Новым Иерусалимом», потому что это было единственное место, где сербы могли на славянском языке изучать богословские книги и при этом не бояться, что их будут заставлять перейти в другую веру. Следует упомянуть, что сербы как раз посредством русских школ во второй половине XVIII в. начали знакомиться с основами рационализма и просвещения. Рационалистические и просветительские взгляды на историю Раича, вероятно, развивались под влиянием Феофана Прокоповича, который в труде «Букварь, или Первое учение отроком с Катехизисом», между прочим изложил некоторые методологические основы исторической науки, не утратившие актуальности до сих пор. Сербам были известны методологические рекомендации Феофана Прокоповича в переводе Захарии Орфелина, опубликованном в 1767 г.⁵ Приведем некоторые из них, оказавшие влияние на труды Раича, например, об истории: «История есть описание всего, что когда-то случилось на свете», или «Чтобы лучше понимать историю, потребно знать географию... а также хронологию, то есть науку о времени». Интересно деление истории, в

⁴ Радочић Н. Српски историчар Йован Раич. С. 30–38.

⁵ Они были известны Йовану Раичу по русскому оригинальному тексту.

переводе Орфелина звучащее таким образом: «Существуют две истории: духовная и мирская. Духовная история также двойка: события, приведенные в книгах Старого и Нового завета, и церковная, происходящая после, например, соборы и другое». Далее говорится: «Светская история состоит из разных ветвей: универсальная или вселенская история, касающаяся всех царств и земель с начала существования света до наших дней, затем, история одного царства и народа, включающая биографию и деяния одного царя или генерала, и т. д. Затем история о зарождении искусства, ремесел и торговли и разных других вещей и событий из истории». Очевидно, что эти методологические начала находятся под влиянием средневековых взглядов на историю, но не исключают и рационалистическое мировоззрение⁶.

Окончив курс богословия в Киеве в 1756 г., Раич некоторое время проживал в Москве, а потом через Смоленск вернулся к себе на родину в Сремские Карловцы. Он хотел преподавать богословие, но обстоятельства уготовили ему иную судьбу.

В середине XVIII в. австрийские сербы, кроме угрозы потерять свою веру, испытывали и политическое давление. Государственная власть сужала автономию и сокращала привилегии, которые сербам были даны после «Великого переселения» сербов в 1690 г. При таких обстоятельствах возникла потребность в исторической науке, которая смогла бы доказать, что сербы — народ с государственной традицией и с достоинствами, которые ни в чем не уступают соседним народам. Использовать славу былых времен для доказательства политических требований было характерно и для других народов в XVIII и XIX вв. Кроме политической, история была и духовной потребностью общества, поскольку у сербов не было развито направление гражданской истории.

Раич под влиянием сербской среды и церкви решил начать писать историю своего народа. С исследовательской целью он отправился в очень долгий и интересный путь. Через Австро-Венгрию он снова оказался в Киеве, где изучал русскую историю и литературу. Потом через Молдавию он двинулся в Константинополь, а оттуда — на Святую гору Афон, где находится сербский средневековый монастырь Хиландар, в котором хранятся многочисленные рукописи

⁶ *Джурич Дж.* Раичева история у српской историографии 18. Века — Янкович, Орфелин, Раич // 36. Йован Раич. Историчар, песник и црквени великодостојиник. Нови Сад, 2002. С. 189–197.

периода сербского средневекового государства. Переписав эти рукописи, в конце 1758 г. Раич через Сербию вернулся в Австрию, в родные Сремские Карловцы. Некоторое время он занимался преподавательской деятельностью, а потом отправился в Темешвар (Венгрия), а в 1764 г. вернулся в Новый Сад. В Новом Саде Раич преподавал ряд предметов священникам до 1772 г., а потом принял монашество и стал игуменом монастыря Ковиль⁷.

Свое самое крупное произведение — «История разных славенских народов наипаче Болгар, Хорватов и Сербов» в 4-х томах — Раич закончил в 1768 г. Написанный на архаичном русском литературном языке, этот труд был напечатан позже, по инициативе сербского митрополита Стевана Стратимировича, в 1794–1795 гг.

Сначала Раич хотел написать историю русских и сербов, поскольку он считал русских самым важным славянским народом. Но от этого намерения он отказался по причине масштабности работы, для которой не имел достаточных исторических источников.

Труд Раича является первой сербской историей, созданной на основе исследования и сбора материала из разных источников и, что еще важнее, — на основе научной критики достоверности и точности данных источников. В первом томе Раич описал некоторые из варварских племен и переселение славян на Балканы. Во втором томе он изложил историю хорватов и сербов до битвы на Марице в 1371 г. В третьем томе описана история сербов со времен князя Лазаря до Мохачской битвы, а в четвертом — история сербов под австрийской властью. В приложениях находятся списки государей, географические карты и выписки из важнейшего средневекового юридического документа — Законника Стефана Душана.

В те времена, когда Раич писал свою работу, было очень трудно найти нужные книги и особенно исторические источники, которые находились в удаленных монастырях и архивах, что объясняет многочисленные пропуски в исследованиях. Для критики исторических источников Раич иногда применял странные критерии. Если три источника не совпадали по хронологии определенного события, Раич брал средний, или всегда больше верил сербским источникам, чем иностранным. Такую недоверчивость к иностранным источникам мы встречаем и у русских историков того времени, особенно касающихся варяжского вопроса, т. е. вопроса о происхождении русского народа.

⁷ *Радойич Н.* Српски историчар Йован Раич.

В предисловии Истории, опубликованной Раичем в 1795 г., написано, что обязанность историка — «просто и правдиво описывать события».

История Раича написана в просветительском духе. Неудачи государей и крушение их государств он объяснял непросвещенностью народов. В своих текстах он никогда не упускал возможности хвалить науку и критиковать незнание и невежество.

О большом значении русского влияния на сербскую историографию XVIII в. говорит и тот факт, что кроме «Истории» Йована Раича в XVIII в. у сербов опубликовано всего два исторических произведения, и оба они связаны с Россией. Первое — «Краткое введение в историю славяно-сербского народа» — написано Павле Юлинцем, который также учился в России и построил карьеру русского дипломата. Вторым произведением является «Житие и славные дела государя императора Петра Великого, самодержца Всероссийского с предположением краткой географической и политической истории о Российском царстве, ныне перее на славенском языке списана и издана», написанное Захарией Орфелином⁸.

Из всего сказанного легко можно заключить, что начало сербской исторической науки тесно связано с русским влиянием. Последнее состояло в большом культурном и политическом значении России для сербов в Австрии в XVIII в., в обучении сербских интеллектуалов в русских школах и на факультетах, а также и в заимствовании методологических принципов русской исторической науки.

⁸ Подробнее см.: *Радойчић Н.* Захария Орфелин као историчар // Гласник Историјског друштва у Новом Саду. Кн. VI. С. 263.

**Исторический аспект этнографического памятника:
черногорские костюмы в собрании Музея антропологии и этнографии
им. Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук**

Музейные собрания представляют интерес не только как памятники материального и духовного наследия человечества, но и как свидетели исторических процессов и событий. К таким по праву можно отнести костюмы черногорца и черногорки, хранящиеся в Музее антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук — наследнике и приемнике первого российского государственного общедоступного музея Кунсткамеры. Первоначально, в 1838 г., костюмы были размещены в Царскосельском Арсенале¹, затем поступили в 1886 г. в Императорский Эрмитаж² и в 1899 г. были переданы в Музей антропологии и этнографии³.

В царствование Николая I в Царскосельском Арсенале хранилось одно из богатейших собраний оружия в Европе и самое богатое по восточному оружию. Николай I, отличавшийся, по мнению современников, особым вниманием к рыцарским традициям, любил хорошее оружие. «Родоначальницей» его собственного собрания стала турецкая сабля, взятая в кампании 1811 г. на Дунае⁴.

Относительно черногорских костюмов существует выписка из инвентарной книги Царскосельского Арсенала: «оба наряда поднесены в 1838 г. полковником Озерецковским»⁵. Яков Николаевич Озерецковский (1804–1864), сын российского естествоиспытателя, академика Николая Яковлевича Озерецковского⁶, вошел в историю как извест-

¹ Архив ГЭ. Оп. 5. Д. 17. Л. 83; ПФА РАН. Ф. 142. Оп. 1. Д. 51. Л. 77 об.

² Архив ГЭ. Оп. 5. Д. 17. Л. 82.

³ Книга поступлений Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН. Колл. 533.

⁴ Царскосельский музей с собраниями оружия, принадлежащего Государю императору. СПб., 1860. С. 2.

⁵ Архив ГЭ. Оп. 5. Д. 17. Л. 83; ПФА РАН. Ф. 142. Оп. 1. Д. 51. Л. 77 об.

⁶ Н. Я. Озерецковский был директором Кунсткамеры Академии наук с 1800 по 1827 гг. См.: *Станюкович Т. В.* Музей антропологии и этнографии

ный деятель Новороссийского края, участник кавказской, турецкой, иранской военных кампаний, он также оставил и литературное наследие. В 1830-е гг. Яков Озерецковский служил в корпусе жандармов в чине подполковника, состоял при шефе корпуса графе А. Х. Бенкендорфе. С секретным поручением был отправлен в Вену (1836–1839), где собирал сведения о настроениях в национальных окраинах Австро-Венгрии и в соседних с нею странах⁷.

События в Черногории исторически входили в поле политических интересов России в ее противостоянии Османской империи. С конца 1830-х гг. Черногория становится крепкой опорой России в Балканском регионе; открытое участие России в делах Черногории оказывает значительное влияние на развитие Черногории как государства⁸. Петр II Петрович Негош (1813–1851), светский и духовный правитель Черногории с 1830 г.⁹, просветитель, поэт, продолжает политику своих предшественников и ищет поддержки у России. В 1837 г. он едет в Санкт-Петербург к императору Николаю I, однако во время пути возникает конфликт: поверенный в российских делах в Вене сообщает, что Негош обращался в Французскую Миссию за паспортом для проезда в Париж, но, получив отказ, высказал желание ехать в Россию.

Проведенное расследование¹⁰ исчерпало конфликт, и Петр II Петрович Негош был представлен Николаю I. В правительственных кругах России на Негоша смотрели с недоверием: он казался слишком молодым для своего церковного сана и тяжелой ответственности по управлению страной, в которой ему было сложно найти помощь и сочувствие¹¹.

за 250 лет // 250 лет Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого. Сборник Музея антропологии и этнографии. М.; Л., 1964. Т. XXII. С. 38.

⁷ *Бокова В.* Тайная миссия подполковника Я. Н. Озерецковского // Российский архив: (История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.). М., 2003. Вып. XII. С. 304–305.

⁸ *Анашков Ю.* Защитники вольных людей. Черногория и Россия от времен Екатерины II до Крымской войны // Родина. Вып. 1–2. 2001. С. 97; *Павичевич Б.* Негош и Яков Николаевич Озерецковский // Исторически записи. XX. XXIV. Т. 1. Титоград, 1967. С. 5.

⁹ Отметим, что традиционно правители Черногории совмещали светскую и духовную власть. В 1831 г. Петр II Петрович Негош становится архимандритом.

¹⁰ В Черногорию для проведения расследования отправился И. М. Гагич, российский вице-консул в Рагузе (Дубровнике) и Далмации.

¹¹ *Ровинский П. А.* Петр II Раде Петрович Негош: Владыка Черногории: 1830–1851. СПб., 1889. С. 81.

Николай I пожаловал 80 000 рублей ассигнациями ежегодно на благоустройство народа Черногории¹². Правитель Черногории выразил свою благодарность российскому императору в письме: «Всемиловитейший Государь! Позвольте, великодушный монарх и милосердный покровитель наш, пред отъездом моим изъявить именем народа черногорского живейшую нашу благодарность за все изливаемые на нас благодеяния. Мы чувствуем всю важность их. Единый Бог воздаст православной России за неоставление единоверного и единоплеменного ей народа. Нам токмо остается употребить все усилия наши сохранить непорочную честь славян, к семейству коих великому и Богом благословенному, имеем счастье принадлежать»¹³.

В письме исполняющего обязанности министра иностранных дел в 1837–1838 гг. К. К. Родофиникина к Д. П. Татищеву, занимавшему в те годы должность чрезвычайного и полномочного посла в Вене, говорится, что «... при сем представлении Его Величеством сделаны Петру Негошу самые строгие, но с отеческой милостью произнесенные, ясные и понятные для всего ума замечания касательно его поведения, а наипаче желания, которое он имел, проехать из Вены в Париж и Лондон, где бы, без сомнения, сделался бы слепым орудием врагов общего спокойствия. Сколько ни праведно было неудовольствие противу Правителя Черногории, нельзя было однако же не обратить внимание на донесение Вице-Консула Гагича, который по предписанию Министерства ездил в Черную Гору для исследования на месте положения народа и сделанных на Архиепископа наветов. Из донесения его явствует, что сии последние не во всех частях основательны, что народ действительно претерпевает большую нужду, но имеет доверие к своему Владыке, и что если в иных случаях поведение Преосвященного Негоша не вполне соответствует достоинству сана, коим он облачен, то это приписать было можно молодости и неопытности его, нежели закоренелым порокам.

Основываясь на сем донесении и принимая во внимание в сообщении, что Архиепископ Негош более чем кто-либо другой может при настоящих обстоятельствах управлять народом Черногорским, во-первых, как назначенный по завещанию дяди своего¹⁴, во-вторых, как действительно имеющий в виду благо своего народа, и в-третьих, как

¹² *Бокова В.* Тайная миссия подполковника Я. Н. Озерецковского. С. 331.

¹³ Цит. по: *Лавров П. А.* Петр II Петрович Негош Владыка Черногории: Его литературная деятельность. М., 1887. С. 95.

¹⁴ Петром I Негошем (1747–1830).

человек с природным умом, доступный просвещению, Государю Императору благоугодно было явить новый опыт Всемилостивейшего благоволения к черногорскому народу, высочайше повелев послать оному временное пособие, но для наблюдения, чтобы сие пособие, назначенное от щедрот Августейшего нашего Монарха, было действительно употреблено на необходимое ныне обеспечение беднейших Черногорцев и на внутреннее благоустройство народа, Его Величеству угодно, чтобы находящийся в Вене подполковник Озерецковский сопутствовал Пресвященному Негошу в Черногорию и оставался там до дальнейшего распоряжения. Обязанность его будет состоять в том, чтобы иметь надзор над действиями Архиепископа, делать ему внушения к приличному благочестию, подавать советы касательно внутреннего благоустройства народа, отклонять от всяких неприязненных действий противу турок и строго наблюдать, дабы сказанное Всемилостивейшее пособие именно было употреблено на тот предмет, на который оно предназначено. Вместе с тем подполковник Озерецковский воспользуется пребыванием своим в Черной Горе, чтобы собрать подробнейшие и положительные сведения о сей стране, доселе во всех отношениях малоизвестной. Сведения сии тем более важны, что они покажут, какие Черногория имеет собственные средства, остающиеся пока без внимания, и на какие предметы преимущественно должны быть обращены усилия Владыки»¹⁵.

Тем временем подполковник Я. Н. Озерецковский получил вексель на 11631 гульден достоинством 26660 руб. 60 коп.¹⁶ временного пособия, отправился из Вены в Триест, где встретился с черногорским владыкой, и в начале августа 1837 г. правитель Черногории Петр II Петрович Негош и подполковник Я. Н. Озерецковский высадились в тогда австрийской крепости Катаро (ныне г. Котор), где, по предварительному распоряжению Негоша, их встретили празднично одетые черногорские воины, сопроводившие их в центральное селение Черногории — Цетинье¹⁷.

Яков Озерецковский составил краткую экономико-географическую зарисовку страны и направил служебную записку чрезвычайному и полномочному послу в Вене Д. П. Татищеву с копией шефу корпуса жандармов А. Х. Бенкендорфу. По мнению Я. Н. Озерецковского, отсутствие

¹⁵ Цит. по: *Бокова В.* Тайная миссия подполковника Я. Н. Озерецковского. С. 334–335.

¹⁶ Там же. С. 334.

¹⁷ *Павичевич Б.* Негош и Яков Николаевич Озерецковский. С. 11.

путей сообщения — проходимых дорог¹⁸ — есть одна из важных причин экономического и культурного недостатка населения: «Без сомнения, одна из главнейших надобностей Черногории есть дороги. Их вовсе не существует здесь ни внутри страны, ни к соседним землям, ни даже к крепости Катаро. Глыбы гор, через которые пробираются Черногорцы в эту крепость, доступны только им одним. Привычка ходить по скалам и туесам, прыгая, так сказать, с камня на камень, позволяет им посещать Катаро, этот единственный пункт, откуда могло бы перейти к ним какое-нибудь понятие о Европейском устройстве, и куда с трудом приносят они на базар связками дрова, шерсть, кожи и пригоняют по несколько штук скота. Четырех или пяти часов ходьбы налегке достаточно черногорцу, чтобы дойти до Катаро от монастыря Цетинье. Но трудность, или, лучше сказать, непроходимость гор, преграждает путь оттуда для всякого торговца»¹⁹. Однако суровый рельеф помогал черногорцам противостоять нападениям со стороны Османской империи: «В течение многих столетий, оспаривая независимость своих скал и гор, она осталась по сие время на той же степени необразованного состояния, на которой устояла одна против Турции после падения Сербского царства»²⁰.

На основании географических заметок Озерецковского по распоряжению Николая I в Черногорию был отправлен горный инженер (впоследствии дипломат) Е. П. Ковалевский (1811—1868), чьи труды о Черногории широко используются исследователями²¹.

Во время пребывания подполковника Озерецковского в Цетинье Петр II Петрович Негош снова избрал Сенат, созвал народную полицию, ввел институт казначейства, продолжил и усилил работы по государственному строительству²². Также планировалось расширение застройки Цетинья каменными зданиями, например, для будущей

¹⁸ О дорогах в Черногории можно процитировать следующее интересное замечание: «С детства привыкнув к своим скалам, Черногорец считает не нужным для себя дороги и даже восстает против их проведения, утверждая, что дороги только облегчат врагам проход в неприступные доселе их твердыни». См.: *Макушев В.* Дневник путешествия из Дубровника в Черногорию // Русский вестник. М., 1866. Т. 62. С. 10.

¹⁹ Цит. по: *Бокова В.* Тайная миссия подполковника Я. Н. Озерецковского. С. 338—339.

²⁰ Там же. С. 339.

²¹ *Бокова В.* Тайная миссия подполковника Я. Н. Озерецковского. С. 346, 366; *Милович Й.* Петар II Петрович Негош у свом времену. Титоград, 1984.

²² *Павичевич Б.* Негош и Яков Николаевич Озерецковский. С. 12—19.

школы и для сенаторов. Отдельно отметим, что в 1838 г. на выделенные средства была построена резиденция Негоша, называемая «Бильярда» (здесь располагалась и бильярдная комната)²³. Здание служило не только резиденцией; в нем размещалась типография, библиотека, архив, а также и свой Арсенал — комната с трофейным оружием. Проект резиденции был разработан с участием Я. Н. Озерецковского²⁴.

Озерецковский не находит подтверждения слухам о неблагоприятном черногорском владыке, тревожившим российское правительство. Справедливо было о нем лишь одно мнение — он молод. Подполковник восклицает: «Я не считаю еще себя старым, но чувствую, что приходит время, в которое рад был бы подобному обвинению! Но, к несчастью, оно будет ложью!»²⁵ При том же сан Черногорского Владыки не может сделаться исключительно священным, пока Черногория не сойдет с своего воинственного образа жизни на жизнь мирную и гражданственную. Следовательно, пока не водворится мир со стороны Турции. Теперь Черногорский поп, с обритой бородою и двумя пистолетами за поясом — тот же воин»²⁶.

Яков Озерецковский покинул Черногорию осенью 1837 г. тяжело больным. Негош с вниманием и благодарностью относился к его советам и рекомендациям, кроме того их связали и искренние дружеские отношения. К отъезду Озерецковского из Черногории Негош опубликовал посвященное ему стихотворение в издании «Грлица» (1839)²⁷. По возвращении в Вену Озерецковский, терзаемый равнодушием остальных к положению черногорского народа, решает ехать в Петербург, хотя доктора и давали ему не более полугода жизни. Подполковник планировал передать императору Николаю I точные и подробные сведения о Черногории, представить личность черногорского правителя в истинном свете, опровергнуть ходившие о нем ложные слухи, а также обратить благосклонность императора к далекой стране. Еще в Вене Я. Н. Озерецковский подготовил подробный отчет о Черногории для императора

²³ *Латкович В.* Петар Петрович Негош. Београд, 1949. С. 115.

²⁴ Негош у слици и у риечи. Титоград. 1974. С. 85.

²⁵ Заметим, что Я. Н. Озерецковскому в 1837 г. было 33 года, Петру II Негошу — 24.

²⁶ Цит. по: *Бокова В.* Тайная миссия подполковника Я. Н. Озерецковского. С. 345.

²⁷ *Павичевич Б.* Негош и Яков Николаевич Озерецковский; *Вуксан Д.* Писма Озерецковскога, Ковальевскога и Чевкина Владици Раду // Споменик Српске краљевске академије. LXXXI. 1935. С. 3.

Николая I. В отчет вошли: краткая хронологическая таблица исторических происшествий в Черногории с 1389 по 1820 г., статистические сведения, информация о нападении турок на границы Черногории с 15 августа по 8 октября 1837 г., заключение, сделанное капитаном корпуса горных инженеров Озерским о рудах в Черногории на основании вывезенных из страны образцов пород, сведения о монастырях, информация о разделении страны, уже в Петербурге были написаны заметки политического характера²⁸. К отчету Озерецковский приложил альбом с зарисовками Черногории и черногорцев и географической картой страны, скопированной им с карты, выполненной Твердохлебовым, с объяснением административного деления²⁹. Кроме того, для демонстрации вывезенных из Черногории мужского и женского костюма подполковник заказал в Вене две деревянные статуи, которые были выполнены профессором Кеземаном с удивительным мастерством. Для статуй были сделаны парики из натуральных волос³⁰.

Черногорский альбом был передан императору Николаю I через графа А. Х. Бенкендорфа. Император оставил его в своем кабинете, где любовался им вместе со своим семейством и вельможами. Я. Н. Озерецковский пишет черногорскому владыке из Петербурга о представлении деревянных скульптур в черногорских костюмах: «Через день я выпросил у Графа позволение представить Государю костюмы; Его Величество приказал мне поставить их у Себя в столовой в Аничковом дворце, где теперь живет по случаю пожара Зимнего дворца. Я привез своих статуй, свинтил их, нарядил, причесал на славу и поставил в столовой зале, где в тот же день любовались ими Государь, Государыня, Наследник и все, кому позволен въезд во дворец. Ее Величество в один день изволила приходить четыре раза взглянуть на Черногорцев. Потом через три или четыре дня Государь приказал отвести их в Царское Село в новый арсенал, который составляется для лица, арсенал богатый и, вероятно, один из знаменитейших в мире, — я сам отвез туда моих друзей Черногорцев и поставил их на видном месте»³¹.

²⁸ Черногорско-русские отношения: 1711–1918. Т. 1: Русские архивные документы о Черногории с конца XVIII по середину XIX в. Подгорица; Москва, 1992. С. 194–225.

²⁹ Негош у слици и у риечи. С. 90.

³⁰ Вуксан Д. Писма Озерецковскога, Ковальевскога и Чевкина Владици Раду. С. 7.

³¹ Там же. С. 8.

Необходимо отметить, что в исторической ретроспективе костюм черногорцев — это демонстрация независимости и самобытности, сопротивление турецкому владычеству и притязаниям. Христианским народам, жившим в Османской империи, запрещалось носить одежду ярких цветов, богатого материала и, вдобавок, имеющую позолоченные или серебряные украшения. Черногорцы считали, что и ношением такой яркой, богатой одежды они наглядно показывают свою готовность отстаивать независимость. В черногорском мужском костюме мы найдем еще одно воплощение исторического сюжета — следует обратить внимание на головной убор. Подобная шапка («шишак», «завратка») получила самое широкое распространение во времена Петра II Негоша, он всячески поощрял ношение такого головного убора как обозначения сербства³². В его же время цветовой решение убора получило символическое толкование. Красный верх — кровавое озеро, в котором со времен битвы при Косово находилась Черногория; кровь сербов, пролитая на Косовом поле. Черный шелковый околышек — скорбь о потере независимости при сражении на Косовом поле³³.

Итак, Озерецковский был представлен российскому правителю и получил благодарность за аналитические отчеты о Черногории. За результативную деятельность в Черногории подполковник Я. Н. Озерецковский по приказу императора был произведен в полковники, также император пожаловал ему бриллиантовую табакерку³⁴.

Таким образом, черногорские костюмы, хранящиеся в Музее антропологии и этнографии (Кунсткамера) РАН, являются своего рода памятниками внешней политики России эпохи Николая I и развития отношений со славянскими странами.

³² *Влахович М. С.* О найстарийой капи код Югословена с обзиром на збирку капа Этнографского музея у Београду // Зборник Этнографского музея у Београду. 1901–1951. Београд, 1953. С. 151.

³³ Фриллей и Влохити: Современная Черногория. СПб., 1876. С. 52; *Влахович М. С.* О найстарийой капи код Югословена с обзиром на збирку капа Этнографского музея у Београду. С. 151; *Wyon Reginald, Prance Gerald.* The Land of the Black Mountain. The Adventures of Two Englishmen in Montenegro. London, 1903 // Project Gutenberg. URL: <http://www.gutenberg.org/files/17613> (дата обращения: 02.09.2008).

³⁴ *Вуксан Д.* Писма Озерецковскога, Ковальевскога и Чевкина Владици Раду. С. 8.

Представители королевской династии Карагеоргиевичей в учебных заведениях Санкт-Петербурга

Исторические связи русского и сербского народов уходят своими корнями в глубокую древность. Взаимоотношения наших народов всегда имели особое звучание. Даже краткий экскурс в историю, которая на протяжении веков была общей, свидетельствует о большой духовной близости и часто возникающем переплетении национальных интересов. Этому способствовало и этническое родство, и близость языков. Еще более сблизило два народа появление славянской азбуки, созданной солунскими братьями Кириллом и Мефодием в IX в. Династические связи объединяли Дом Романовых и Сербский Королевский Дом¹. Эти связи носили характер не только политический — не меньшее родство наши народы испытывали и в сферах культуры, науки, образования.

Контакты с Россией стали особенно активно набирать силу с начала XVIII столетия. В эпоху правления Петра I сербы и черногорцы стали активно проникать в Россию и поступать на государеву службу. Многие из них оставили заметный след, немало потрудившись во славу русской науки и культуры, достигнув при этом высоких чинов при русском дворе. Поскольку разговор в дальнейшем пойдет об образовании, то нельзя не упомянуть яркую фигуру сербского купца Саввы Лукича Владиславич-Рагузинского (ок. 1669–1738). Судьба забросила его в Россию в самом начале XVIII в. Круг его интересов был необычайно широк. Обладая великолепным художественным чутьем, Рагузинский немало сделал для развития культуры Нового времени в России. Он неоднократно выполнял поручения Петра I о покупке и отправке в Россию произведений искусства, выполняя функции художественного агента на западных аукционах.

Сложно недооценить талант Рагузинского во время его работы на дипломатическом поприще. Служа в Посольском приказе, он в 1711–

¹ *Сидорченко В. И.* Дом Романовых: Энциклопедия биографий. Красноярск; М., 2003. С. 292.

1722 г. был представителем России в Черногории и итальянских государствах. В 1725—1728 г. возглавлял русское посольство в Китае².

Во время дипломатической службы Рагузинского в Венеции, благодаря его стараниям как дипломата, формировалась коллекция античной скульптуры Летнего сада. В 1716 г. С. Рагузинский прислал царю список закупленных им в Венеции мраморных статуй: Полночь, Утро, Вечер, Полдень, Фатум, Помона и другие статуи и бюсты. Вскоре скульптуры были установлены на Главной аллее Летнего сада³. Рагузинскому удалось приобрести статую античной Венеры, найденную в Риме, которая и по сей день является украшением античного отдела Эрмитажа. Он курировал в Венеции обучение присланных из России учеников живописи и архитектуре⁴. Можно смело связать имя Саввы Рагузинского с формированием художественного, эстетического вкуса первых жителей молодой столицы.

Была еще одна сфера, в которой опыт сербов пригодился царю-реформатору. При создании российского флота в качестве советников были приглашены сербы из области, славившейся морскими традициями: исторической области Далмация (ныне — территории Хорватии и Черногории). Знания и опыт, которыми располагали сербы, пришлось весьма кстати. Они были направлены на обучение русских моряков и кораблестроителей. Имена русского адмирала Матвея (Матия) Измаиловича Змаевича, советников Петра I по морским вопросам Иеронима Наталича, Иво Тудизича вписаны в историю создания русского балтийского флота.

Взаимодействие сербской и русской системы образования шло постоянно и имело много общего. Здесь можно проследить определенную преемственность. Получив разрешение открывать свои школы, сербы во время царствования Габсбургской монархии пригласили русских просветителей. В 1725 г. в Белград уехал синодальный переводчик Максим Суворов, в 1733 г. — Эммануил Козачинский. Они привезли с собой русские учебники (десятки букварей, катехизис Феофана Прокоповича, грамматику Мелентия Смотрицкого), которые использовались в учебном процессе. Так благодаря проникновению русской книги в среду австрийских сербов в их культуру постепенно входил и русско-славянский язык. Наряду с русской редакцией церковно-славянского

² Большая советская энциклопедия. 3-е изд. М., 1975. Т. 21. С. 330.

³ Сады и парки Ленинграда / Сост. В. П. Иванова. Л., 1981. С. 22.

⁴ Раков Ю. А. Энциклопедические заметки о Петербурге. СПб., 2003. С. 287.

языка сербы получили из России и гражданскую кириллицу. На протяжении XVIII столетия светские произведения сербские авторы писали как на церковно-славянском, так и на русском языках⁵.

Семену Гавриловичу Зоричу (Неранчичу) (ок. 1745–1799), представителю древнего дворянского сербского рода, состоящему на службе в русской армии, дослужившемуся до звания генерал-лейтенанта, суждено было стать основателем первого в Российской империи частного кадетского корпуса. В ноябре 1778 г. в городе Шклов Могилевской губернии он открыл Шкловское благородное училище для мальчиков из обедневших дворянских семей. Создавалось училище по примеру столичных корпусов. В училище была своя библиотека; картинная галерея; музей, в котором были представлены чучела птиц и зверей, карты, глобусы, модели машин и физические приборы. За основу системы обучения в Шкловском благородном училище был взят разработанный в 1765 г. И. И. Бецким «Устав Императорского Сухопутного Шляхетного кадетского корпуса». С. Г. Зорич внес ряд преобразований в учебный процесс, что позволило сократить срок обучения в училище, но при этом не пострадал ни качественно, ни количественно объем дисциплин. Наряду с общеобразовательными дисциплинами преподавали высшую математику, артиллерию, тактику, гражданскую и военную архитектуру. Зорич добился, чтобы выпускников его училища принимали на службу на тех же условиях, что и кадетов Императорских кадетских корпусов. Выпускники Шкловского благородного училища выделялись отличными знаниями, особенно в области математики⁶. По воспоминаниям Л. Н. Энгельгардта, выпускника 1788 г., дослужившегося до генеральского чина, «многие воспитанники выносили из училища большие сведения, особенно в области математики». Воспитанник Шкловского училища А. И. Маркевич (1788) стал известным ученым-артиллеристом и директором II кадетского корпуса; Н. Н. Петряев (1789) издал несколько оригинальных и переводных сочинений по математике, фортификации и механике. Ряд воспитанников добились блестящей офицерской карьеры. Выпущенный из Шкловского благородного училища в 1799 г. штабс-капитан Г. Н. Кусаков получил за взятие крепости Измаил золотую шпагу «За хра-

⁵ *Шемякин А.* Великий и могучий против унии // Родина: Российский исторический иллюстрированный журнал. 2003. № 10. С. 55.

⁶ *Молодцова В.* У Зорича в Шклове // Учительская газета. 2003. № 34. 19 августа. С. 3.

брось»; кавалером ордена св. Анны III-й степени за сражение при г. Пулутск во время русско-прусско-французской войны 1806–1807 гг. стал штабс-капитан Ф. А. Бердяев. Впоследствии, после ряда реорганизаций, училище было переведено в 1800 г. в Гродно, в 1807 г. в Смоленск. С 1824 г. училище находилось в Москве, где оно существовало под именем Первого Московского кадетского корпуса⁷.

Фигура Семена Зорича весьма неоднозначна в российской истории. Но, пожалуй, самым благим делом его непростой жизни было создание Шкловского благородного училища. Им создан и первый на территории современной Беларуси театр оперы и балета. В сентябре 2007 г. в рамках празднования Дня белорусской письменности в г. Шклове появился памятник сербу Семену Зоричу — российскому генералу, открывшему новые вехи в истории образования и культуры белорусского народа. Надпись на памятнике лаконично гласит: «Семену Гавриловичу Зоричу от благодарных шкловцев».

История еще раз возвращается бумерангом, когда спустя пять десятилетий после просветительской миссии М. Суворова и Э. Козачинского в Сербии, в Россию будет приглашен представитель древнего сербского рода Федор Иванович Янкович де Мириево (1741–1814). Блестящий педагог, он изучал в Венском университете юриспруденцию, государственные и экономические науки. Янкович де Мириево принимал участие в осуществлении реформы по введению в Австрии новой системы народного образования. Новая система заключалась в концентрации начальных и высших народных школ, более тщательной подготовке учителей, рациональных приемах преподавания, установлении специальной учебной администрации. После успешного утверждения новой системы образования в Австрии Екатерина II задумала взять ее на вооружения для введения в России. Вскоре один из авторов новой системы Янкович де Мириево был представлен российской императрице австрийским императором Францем Иосифом.

В 1772 г. Ф. И. Янкович де Мириево приехал в Россию. Он вошел в состав комиссии по учреждению народных училищ. Комиссии было поручено заниматься организацией народных училищ, подготавливать для них учителей, составлять необходимые учебные пособия. Во всех этих начинаниях Янкович де Мириево принимал самое активное участие. Он занимал должность директора Санкт-Петербургского главного народного училища, где происходило обучение учителей. Федор Иванович

⁷ Крылов В. М. Кадетские корпуса и российские кадеты. СПб., 1998. С. 34–35.

участвовал и в составлении учебных планов для Сухопутного, Артиллерийского, Инженерного корпусов. Им были разработаны программы для Общества воспитания благородных девиц и училищ для девиц мещанского происхождения. В 1783 г. Ф. И. Янкович де Мириево был избран членом Российской академии наук⁸. Система, созданная сербским просветителем, на долгие годы утвердилась в России.

Можно упомянуть еще одного потомка сербских дворян, переселившихся в Россию при Петре I, Михаила Андреевича Милорадовича (1771–1825). Он занимал с 1818 г. пост петербургского военного генерал-губернатора, был членом Государственного совета и Кабинета министров. Затрагивая аспекты его деятельности на этом посту, связанные с образованием, следует отметить, что в годы его управления в Санкт-Петербурге были открыты Михайловское артиллерийское училище (1820), Женский патриотический институт (1822) и Ботанический сад (1823)⁹. Эти учреждения внесли значительный вклад в развитие образования в Санкт-Петербурге.

Впоследствии дети сербских и черногорских наиболее знатных княжеских родов будут получать образование именно в Санкт-Петербурге, что еще раз подчеркивало значимость тех долгих связей и традиций, сложившихся между нашими странами в области образования. История движется по спирали, и зачастую события на новом ее витке оправданы, поскольку логично продолжают происходившее ранее.

XIX столетие в сербской истории — непростой век противостояния двух сербских династий, Обреновичей и Карагеоргиевичей¹⁰. В мае 1903 г. в Сербии королевская чета Обреновичей пала от рук заговорщиков. К власти пришел Петр Карагеоргиевич (1844–1921). До этого его именовали как «Претендента на сербский престол». Народная молва окрестила Петра Карагеоргиевича «королем-изгнанником». Большую часть жизни он прожил вне Сербии (во Франции, Швейцарии, Черногории), скрываясь от преследований династии Обреновичей. Петр Александрович Карагеоргиевич был женат на старшей дочери князя Черногории Николая I Негоша Зорке Любице Петрович-Негош (1864–1890). Несмотря на всю сложность династического противобор-

⁸ Русский биографический словарь. СПб., 1913. Т. Яблоновский — Фомин. С. 135–139.

⁹ Санкт-Петербург: Энциклопедия. СПб.; М., 2004. С. 518.

¹⁰ Вишняков Я. Котел с расплавленным металлом // Родина: Российский исторический иллюстрированный журнал. 2003. № 10. С. 83.

ства в Сербии, князь Черногории не смог отказать в руке своей дочери внуку великого Карагеоргия, легендарного вождя Первого сербского восстания, Верховному вождю сербского народа. В 1883 г. свадьба состоялась. Так в роду Карагеоргиевичей появилась выпускница Императорского воспитательного общества благородных девиц (Смольного института).

Смольный институт стал единственным в России женским учебным заведением, где получили образование высочайшие особы — «августейшие дочери Короля Черногории Николая I»¹¹. «Их Императорское Величество, — сообщалось Совету Общества осенью 1875 г., — согласно желанию Их Светлостей владетельного князя Черногорского и его Супруги, Высочайше повелеть соизволили: принять двух старших их дочерей, 11 и 9 лет, в Воспитательное благородных девиц, с тем, чтобы они находились под особым попечением г-жи Начальницы, пользовались отдельным помещением, равно содержанием, и имели свою особую наставницу и горничную, но посещали классы вместе с другими воспитанницами»¹². Сначала зачислили двух старших дочерей Любицу и Милицу. Через год в Смольный прибудет на обучение Анастасия. Позже еще три младших дочери черногорского князя будут проходить обучение в стенах Смольного института.

Годом основания Смольного института считается 1764. Учрежден он был указом императрицы Екатерины II как закрытое Воспитательное общество благородных девиц. Являлся первым и самым привилегированным из институтов благородных девиц. Предназначался для 200 воспитанниц из семей потомственных дворян. Екатерина II, состоявшая в переписке с французскими просветителями и находясь под воздействием их идей, понимала всю значимость силы образования и воспитания. Связь между благосостоянием народа и его культурным уровнем была очевидна. Сподвижником императрицы в вопросах создания нового проекта общегосударственной системы образовательных учреждений стал государственный и политический деятель Иван Иванович Бецкой. При создании Воспитательного общества было решено воспользоваться уже имевшимся в Европе опытом. Своеобразным прообразом послужил женский институт Сен-Сир, который И. И. Бецкой

¹¹ Цит. по: *Черепнин Н. П.* Императорское воспитательное общество благородных девиц: Ист. Очерк: 1764–1914: в 3 т. СПб.; Пг., 1914–1915. Т. 3. С. 541.

¹² Цит. по: *Черепнин Н. П.* Императорское воспитательное общество благородных девиц. С. 541.

видел во время своего пребывания во Франции. Устав Воспитательного общества, написанный И. И. Бецким, не допускал монастырской суровости института Сен-Сир — в России не хотели слепо копировать работу французских педагогов¹³. Новое учреждение видело свою благородную миссию в воспитании женщины, матери, способной растить образованного, высоконравственного гражданина. Такая задача возлагалась на дочерей русских дворян, которых должно было подготовить Императорское воспитательное общество. Торжественное открытие состоялось 4 августа 1764 г. в стенах Воскресенского Новодевичьего монастыря. (В 1808—1809 гг. архитектор Джакомо Кваренги построит отдельное здание для Общества, в стенах которого оно и просуществует до своего закрытия летом 1917 г.). Работа Императорского воспитательного общества для благородных девиц изначально была встречена российским дворянством с большой настороженностью. Сказывались консервативные взгляды на воспитание и образование дворянских детей, особенно дочерей. Идеи общественного, а не домашнего воспитания с трудом воспринимались обывателями. В соответствии с проектом И. И. Бецкого первоначальный срок обучения составлял 12 лет. Воспитанницы поступали в институт в 6-летнем возрасте, а завершали обучение в 18 лет. Впоследствии срок обучения был сокращен до 9 лет, и девочек стали принимать с 9 лет. Воспитанницы делились на 3 возрастные группы. Различить учениц Смольного института (это учреждение называли по месту изначального расположения) можно было по цвету фартуков. Младшие носили «кофейные» фартуки, средние — «голубые», старшие — «белые». Девочек обучали Закону Божьему, языкам, истории, географии, арифметике, началам физики, рисованию, танцам, музыке, хорошим манерам, рукоделию и домоводству.

Зорка Любича (или Любича Николаевна, как ее звали на русский манер), старшая дочь черногорского князя, будущая жена Петра Карагеоргиевича, и ее сестры получали образование уже по обновленной программе. В 1859—1862 гг. инспектор классов Смольного института, известный российский педагог Константин Дмитриевич Ушинский, провел ряд прогрессивных преобразований. Курс обучения стал семилетним. Ушинский ввел новый учебный план, в котором более серьезное внимание уделялось преподаванию русского языка, географии, истории, естествознания. Появились наглядные приборы, большее

¹³ Данилова А. Благородные девицы: Воспитанницы Смольного института: Биографические хроники. М., 2005. С. 17.

внимание отводилось преподаванию физики и химии. В лучшую сторону изменился и уровень преподавательско-педагогического состава¹⁴. Образование велось на русском языке. Черногорские княжны, приехав в Россию, начали учить русский язык. Изучение чужого языка давалось непросто. На первых порах юным княжнам было нелегко поспевать за учебной программой¹⁵. Искренность и доброжелательность августейших воспитанниц помогли им освоиться среди новых подруг. Годы обучения трех старших сестер совпали с тревожными событиями на Балканах. Русско-турецкая война 1877—1878 г. наложила отпечаток на жизнь смолянок. «Первые годы пребывания княжон в Смольном, — вспоминала одна из воспитанниц, — князь Николай Черногорский не мог их брать к себе. В то время вспыхнуло восстание в Боснии, Герцеговине, Сербии, а затем началась война с Турцией. Все эти годы, с соизволения Императрицы Марии Александровны и Августейших Родителей княжон, О. А. Томилова возила их на лето в свое имение Успенское»¹⁶. О. А. Томилова — начальница Смольного института — как могла подбадривала юных княжон. Вместе с другими воспитанницами княжны изготавливали корпию, шили белье для раненых. Смолянки перешивали свои камлотовые платья «для бедных детей черногорских». Воспитанницами было собрано 232 рубля 15 копеек «в пользу несчастных жителей Сербии и Герцеговины». Девушки отказывались от балов, прося перечислить причитавшиеся на эти мероприятия деньги в пользу раненых¹⁷. Любица, Милица и поступившая годом позже Анастасия вместе со своими русскими подругами переживали тревожные дни войны и вместе с ними же радовались победам.

«Смолянка» — стало именем нарицательным. Образованную, воспитанную, изящную девушку и по сей день можно охарактеризовать этим словом. И, видимо, не случайно Петр Карагеоргиевич, будущий сербский король, чьи симпатии всегда были на российской стороне, предложил руку и сердце юной смолянке. Повзрослевшая на невской земле, выучившая русский язык, впитавшая в себя все лучшее, что мог дать ей Петербург, Смольный институт, Зорка Любица ответила князю своим согласием.

¹⁴ Санкт-Петербург: Энциклопедия. С. 812.

¹⁵ Черепнин Н. П. Императорское воспитательное общество благородных девиц. С. 545.

¹⁶ Там же. С. 544.

¹⁷ Там же. С. 404—405.

К сожалению, державная супруга Петра Карагеоргиевича Зорка Любича прожила недолго. Поселившись с мужем в Черногории у своего отца, она ушла из жизни в возрасте 26 лет. После ее смерти осталось трое детей: старшая дочь Елена (1884–1962), сыновья Георгий (1887–1970) и Александр (1888–1934). Судьбы детей, так же как и судьба матери, будут связаны с Россией, с Санкт-Петербургом.

Воспитанием и образованием детей занимался их отец Петр Карагеоргиевич. Покинув Черногорию, он поселился в Швейцарии. Здесь дети получили начальное образование. 1899 г. русский дипломат А. П. Извольский — посол при Баварском королевском дворе в Мюнхене — был уполномочен поехать в Женеву и передать приглашение русского правительства. Сыновьям князя Петра предлагалось продолжать их образование в России за казенный счет. Приезд А. П. Извольского изменил ход семейной жизни Карагеоргиевичей. Предложение было принято, и летом в 1899 г. отец повез детей в Россию для продолжения образования. Начав обучение как внуки «черногорского» князя (деда по материнской линии), в 1903 г. из-за политических событий на их родине юноши окажутся в новом статусе — их отец станет королем Сербии¹⁸.

Старший сын Петра Карагеоргиевича — Георгий — «наследник сербского престола, Его Королевское Высочество Георгий Петрович, обучался в Александровском корпусе с 1900 до 1903 г.»¹⁹.

В 1882 г. Александр III распорядился: «Все военные гимназии именовать на будущее время кадетскими корпусами»²⁰. III Петербургская военная гимназия, открытая в царствование Александра II в 1873 г., получила в 1883 г. новый статус и стала именоваться Александровским кадетским корпусом. Генерал К. В. Рудановский прослужил директором Александровского кадетского корпуса 22 года (1878–1900). Инспектором корпуса был известный педагог-математик З. Б. Вулик. Они приложили немало усилий, чтобы воспитанники корпуса могли получить достойное образование. От кадет требовались основательные письменные работы по русскому языку, математике, иностранным языкам. Окончившие курс воспитанники писали в течение всего года

¹⁸ *Дурилин С. С.* Югославский король Александр I // Кадетская переключка: Периодический журнал объединения кадетских корпусов за рубежом. Нью-Йорк. Январь. 1979. С. 48–49.

¹⁹ *Михневич А. П.* Памятка Императора Александра I кадетского корпуса (1873–1903). СПб., 1903. С. 22.

²⁰ Там же. С. 19.

обстоятельные работы по истории. Наряду с военными дисциплинами были введены внеклассные занятия: рисование, скульптура, пение, музыка, ручной труд. В 1900 г. преемником К. В. Рудановского становится генерал-майор З. А. Макшеев.

Именно в этот период воспитанником корпуса становится Георгий Карагеоргиевич. На годы его обучения приходится ряд преобразований, введенных З. А. Макшеевым. Не отступая от прежних достижений, новый директор обратил особое внимание на организацию занятий кадет по естествоведению, физике, метеорологии и фотографии. В корпусе развивалось наглядное преподавание — с помощью волшебного фонаря велось преподавание истории, географии, Закона Божьего. Приобретались соответствующие инструменты для проведения практических занятий по этим дисциплинам, перестраивались помещения корпуса для удобства проведения в них практических занятий²¹. Военный министр генерал-адъютант А. Н. Куропаткин выражал неизменное внимание к внутренней жизни корпуса. В 1902 г. он приказал отпустить из кредита Военного министерства 30 тысяч рублей на оздоровление зданий корпуса²². Уделялось внимание и спортивным занятиям кадет — гребному спорту и лаун-теннису. Корпусный праздник приходился на сентябрь в день храмового праздника св. Сергия и Германа Валаамских. Жетон Александровского кадетского корпуса был утвержден 10 августа 1893 г.: белый погон с красным кантом и вензелем Александра II в обрамлении лаврового венка. На оборотной стороне вписывались фамилия, имя, отчество воспитанника и год окончания курса²³. Размещался корпус в специально построенном для него здании на Садовой улице в доме 10 (архитектор А. И. Вальбрехт)²⁴. О качестве образования говорил и тот факт, что среди обучающихся в корпусе были представители Дома Романовых. «С 1902 г. классы корпуса посещает для присутствия на уроках Его Высочество князь Константин Константинович, а с 1903 г. и Олег Константинович»²⁵.

²¹ Покидов С. М. Кадетский корпус императора Александра II за первые 30 лет существования: Статистические таблицы секретаря корпуса. СПб., 1903.

²² Михневич А. П. Памятка Императора Александра I кадетского корпуса (1873–1903). С. 22.

²³ Крылов В. М. Кадетские корпуса и российские кадеты. С. 96.

²⁴ Санкт-Петербург: Энциклопедия. С. 336.

²⁵ Михневич А. П. Памятка Императора Александра I кадетского корпуса (1873–1903). С. 22.

Георгий Карагеоргиевич, воспитывавшийся в Александровском кадетском корпусе, имел возможность получить достойное образование в Санкт-Петербурге. Став в 1903 г. наследником Сербского престола, он покинул российскую столицу. В 1909 г. титул наследника престола перешел к его брату Александру.

Александр Карагеоргиевич вошел в историю как король Югославии Александр I Объединитель. В начале XX столетия юный Александр, по приглашению российского императорского двора, получил образование в России. В 1899 г. он поступил в младший подготовительный класс Императорского училища правоведения, в котором прослушал младший и средний курсы подготовительного класса. Затем он продолжил получать образование в одном из блистательных корпусов России — Пажеском корпусе²⁶.

Датой зарождения корпуса принято считать 1759 г., когда была открыта придворная школа для подготовки пажей в Санкт-Петербурге²⁷. Официально Пажеский корпус был учрежден в 1802 г. как отдельное учебно-воспитательное учреждение для детей высокопоставленных и знатных семейств России, которых готовили в свиту Его Императорского Величества и в гвардию с 1810 г.²⁸ Назначение Пажеского корпуса, согласно положению, утвержденному императором Александром I, заключалось в следующем: «Пажеский Корпус есть училище для образования нравов и характера, в котором имеют быть преподаваемы нужные офицеру назначения: корпус сей есть такое военное установление, где благородное юношество через воспитание приготавливается к воинской службе строгим повиновением, совершенною подчиненностью и непринужденным, но добровольным выполнением должностей своих»²⁹.

Пажеский корпус размещался в Воронцовском дворце на Садовой улице дом 26 (архитектор Ф.-Б. Растрелли)³⁰. В число изучаемых в корпусе предметов входили Закон Божий, русский, французский и

²⁶ Памятная книжка Императорского училища правоведения на 1899—1890 год. СПб., 1899. С. XL; Памятная книжка Императорского училища правоведения на 1900—1901 год. СПб., 1900. С. X; Памятная книжка Императорского училища правоведения на 1901—1902 год. СПб., 1901. С. XII.

²⁷ Санкт-Петербург: Энциклопедия. С. 636.

²⁸ Крылов В. М. Кадетские корпуса и российские кадеты. С. 37—38.

²⁹ Цит. по: Греков Ф. В. Краткий исторический очерк военно-учебных заведений: 1700—1910. М., 1910. С. 19.

³⁰ Санкт-Петербург: Энциклопедия. С. 735.

немецкий язык, история, география, арифметика, алгебра, начальная и высшая геометрия, тригонометрия, физика, статика и механика, артиллерия и фортификация, рисование и черчение, танцы, фронт, езда и фехтование. В корпусе давали очень качественное образование, но и требования к воспитанникам были высокими. Знания оценивались объективно, вне зависимости от происхождения³¹. В Пажеском корпусе царил дух взаимопомощи и доброты, чести и отваги. Выпускники носили нагрудные знаки с изображением мальтийского креста и перстни с такой же символикой. Пажи разных годов выпуска, независимо от возраста и звания, узнав по этим символам однокашников, переходили на «ты» и были готовы помочь друг другу. Дух рыцарства был присущ выпускникам Пажеского корпуса. Существовало восемь заповедей, которые выпускники корпуса не забывали никогда:

Ты будешь верить всему, чему учит Церковь.

Ты будешь охранять Церковь.

Ты будешь относиться с уважением к слабому и сделаешься его защитником.

Ты будешь любить страну, в которой ты родился.

Ты не отступишь перед врагом.

Ты не будешь говорить неправду и останешься верен данному слову.

Ты будешь всем благотворить.

Ты везде и повсюду будешь поборником справедливости и добра против несправедливости и зла³².

Эти заповеди навсегда остались в сердце царевича Александра Карагеоргиевича, который с большим успехом закончил Пажеский корпус в 1904 г.³³

Он не изменил им в тревожные 20-е гг. XX в., когда тысячи россиян оказались на землях его королевства. Он принял на территории своей страны ряд частей армии Врангеля, дал приют российской интеллигенции, духовенству. Благодаря королю Королевства сербов, хорватов и словенцев, бывшему кадету Пажеского корпуса, было сделано все возможное для устройства кадетов в этой стране. На базе оказавшихся в Югославии кадетских корпусов были открыты Первый русский великого князя Константина Константиновича и Крымский кадетский

³¹ *Крылов В. М.* Кадетские корпуса и российские кадеты. С. 38.

³² *Греков Ф. В.* Краткий исторический очерк военно-учебных заведений: 1700–1910. С. 21.

³³ Военная энциклопедия. СПб.; М. 1912. Т. XIX. С. 122.

корпуса³⁴. Бывший кадет, выпускник Пажеского корпуса, Александр Карагеоргиевич, награжденный орденом св. Андрея Первозванного, орденом св. Георгия 3-го класса, любивший Россию, Санкт-Петербург, следовал заповедям пажеской чести до конца своей жизни.

Оставила свой след в Санкт-Петербурге старшая сестра Георгия и Александра — Елена Карагеоргиевич. В России ее звали Еленой Петровной Сербской. Она вышла замуж за князя императорской крови Иоанна Константиновича Романова. С 1915 до конца 1917 г. Елена Петровна с мужем и его теткой, греческой королевой Ольгой Константиновной, были последними из Романовых владельцами Павловского дворца. Иоанн Константинович вместе со своей верной спутницей Еленой Сербской после Февральской революции с целью гарантировать сохранность ценностей решили произвести инвентаризацию дворцового имущества. Они прекрасно понимали художественную, историческую значимость Павловска для культурного наследия России. Но судьба распорядилась иначе. В 1918 г. в Алапаевске погибнет Иоанн Константинович. Елена Сербская чудом вырвется из России, охваченной пламенем Гражданской войны.

Когда Елена Петровна и Иоанн Константинович жили в Павловске, решено было построить храм в местечке Тярлево, что находится вблизи Павловского парка. Деньги собирали всем миром — жертвовали и простые горожане, и члены царской фамилии. Княжеская чета не была в стороне.

Сейчас звук колоколов Спасо-Преображенского собора в Тярлево напоминает об Александре и Елене Карагеоргиевичах, любивших русский язык, русскую культуру, оставшихся верными Сербии, но не нарушивших обещаний, данных России.

³⁴ Крылов В. М. Кадетские корпуса и российские кадеты. С. 53.

**Ответ Толстого и Достоевского на «восточный вопрос»,
1875–1877. Образы себя и других**

Когда в январе 1876 г. Ф. М. Достоевский начал публиковать «Дневник писателя», он намеревался записывать в нем свою оценку значимых текущих событий. Он хотел каждый месяц сообщать как частное лицо, о том, что видел, слышал, о чем читал. Предполагалось, что двенадцать выпусков «Дневника» составят единое целое — книгу, «написанную одним пером», где будет рассказываться в первую очередь о реально случившемся. Достоевский хотел вести дневник в самом буквальном смысле этого слова, поэтому он не стал включать в него литературную критику. Однако очень скоро он понял, что ставить перед собой какие-либо искусственные ограничения и скрывать от читателя, возможно, самые сильные свои впечатления лишь потому, что они были связаны с русской литературой, неверно. Публикация «Анны Карениной» стала как раз тем событием, не отметить которое Достоевский не мог. Новый роман Толстого был чем-то большим, нежели просто литературным произведением¹.

Достоевский признавал совершенство «Анны Карениной» как произведения искусства. Однако роман приобрел дополнительную значимость, поскольку публикация его последних глав совпала с началом русско-турецкой войны в апреле 1877 г. В сознании Достоевского оба эти впечатления — от романа и от начавшейся войны — оказались связаны воедино, их сочетание поразило самого писателя. Он подчеркивал, что автор «Анны Карениной» обладает огромным талантом, замечательным умом, что его чрезвычайно ценит и уважает интеллигенция. Взгляды Льва Толстого на современное состояние России, на «восточный вопрос» представляли большой интерес для всех соотечественников².

Позиции Достоевского и Толстого в «восточном вопросе» и в отношении русско-турецкой войны 1877 г. заслуживают особого внимания. Толстовское понимание «восточного вопроса» следовало, в целом,

¹ *Достоевский Ф. М. Дневник писателя // Полн. собр. соч. в 30-ти т. Л., 1983. Т. 25. С. 195.*

² Там же. С. 193.

в русле политики «сосредоточения» (*recueillement*), проводимой российским правительством. Все внимание Александра II было приковано к давно назревшим реформам внутри страны. Во внешней политике официальные круги пытались сохранить мир и путем переговоров добиться приемлемого разрешения кризиса на Балканах. Однако взгляды Толстого, совпадавшие с правительственным подходом и отразившиеся в последней главе «Анны Карениной», подверглись критике со стороны многих известных писателей и даже вызвали небольшой скандал в литературных кругах.

Достоевский также был не согласен с позицией Толстого. Он выступал в поддержку энергичного вмешательства России в защиту угнетенных балканских народов, страдавших под гнетом турок. Более того, Достоевский прославлял русский народ за то, что «восточный вопрос» был воспринят в России не иначе как дело освобождения православных южных славян.

Однако точка зрения Достоевского круто поменялась, когда на свет появилась восьмая часть романа Толстого. Достоевский отмечал, что заключительная часть «Анны Карениной» была опубликована не в «Русском вестнике», где печатались все предыдущие выпуски этого произведения. Последняя глава вышла отдельным изданием, и Достоевский купил эту брошюру. Последняя глава вовсе не показалась ему «невинною» — напротив, он даже назвал ее «несчастной»³. При всем своем отвращении к критике современной литературы он решил все же написать об этой главе в следующем выпуске «Дневника».

Непримиримые позиции Толстого разделяли с Достоевским многие его современники. Как отмечал Достоевский, редакция «Русского вестника» отказалась публиковать последнюю часть «Анны Карениной». В литературных кругах знали, что это произошло, поскольку восьмая часть романа не совпадала с политикой журнала и убеждениями редакторов. Особенно остро разногласия проявились во взглядах Толстого на «восточный вопрос» и русско-турецкую войну 1877 г.

В 1875–1876 гг. неослабевающий турецкий гнет на Балканах вызвал восстания в Герцеговине, Боснии и Болгарии. Тяжелая судьба южнославянских земель, оккупированных Турцией, стала известна всей Европе. В Париже был создан Международный комитет помощи, который возглавил Митрополит Сербский Михайло Йованович. Его вице-президентом стал хорватский епископ Йосип Штросмайер. Ко-

³ *Достоевский Ф. М.* Дневник писателя. С. 175, 202.

митет был призван помогать беженцам из этих областей. Поддержку его деятельности оказывали многие филантропические организации, в том числе и Славянское благотворительное общество, в рядах которого трудились русский публицист Иван Сергеевич Аксаков и графиня Антонина Дмитриевна Блудова⁴.

Достоевский обвинял Толстого в близорукости, в неспособности взглянуть на события в перспективе: Толстой видел лишь то, что находилось у него прямо перед глазами, не мог постигнуть того, что не попадало в поле его зрения.

Действительно, Толстой, когда писал «Анну Каренину», поддерживал официальную правительственную политику «сосредоточения» (*recueillement*). Он хорошо понимал потребность в тех глубоких преобразованиях, которые были проведены в 1860-е гг. Александр II сосредоточил свое внимание на внутренней политике, на реформах у себя в стране, стараясь избегать военного вмешательства на Балканах.

Однако деятельность славянских благотворительных комитетов, реакция на балканский кризис русской интеллигенции и широких слоев населения по всей России привели к пересмотру официальной позиции. Видные общественные деятели, такие как И. С. Тургенев, М. Е. Салтыков-Щедрин, И. С. Аксаков, Ф. И. Тютчев, Г. И. Успенский, В. И. Немирович-Данченко, часто выступали в поддержку южных славян.

Петр Ильич Чайковский тоже был сторонником славянского единства, и его известное сочинение, «Славянский марш», часто исполнялось во время праздничных торжеств. В нем Чайковский использовал сербские народные мелодии, а также российский гимн, метафорически подчеркивая тем самым культурные связи этих двух славянских народов. Хотя Александр II стремился сохранить мир и соблюдать Союз трех императоров России, Австрии и Германии, он не мог бесконечно закрывать глаза на то, что в России и за рубежом очень многие люди горячо поддерживали южных славян.

В Англии один из самых влиятельных политиков, выдающийся британский государственный деятель лорд Уильям Юарт Гладстон был на стороне южных славян. Его известные речи в английском парламенте возбудили романтическое воодушевление общественности и искреннее желание помочь. Более того, английское духовенство,

⁴ Югословени и Русия: Документи из архива М. Ф. Раевского 40–80 годы XIX века. Белград, 1989. С. 150.

во главе с архиепископом Кентерберийским и каноником собора св. Павла Генри Парри Лиддоном, с церковной кафедры провозгласило о своей поддержке южных славян — своих братьев во Христе⁵.

Среди тех, кто выразил свою обеспокоенность судьбой балканских народов, был и поэт Оскар Уайльд, написавший в мае 1877 г. следующее письмо Гладстону:

«Ваш благородный и беспристрастный протест против избиения христиан в Болгарии, изложенный как в устной, так и в письменной форме, нашел такой отклик в моем сердце, что я решил послать Вам сонет, написанный мною по этому случаю...»⁶.

Уайльд был не единственным поэтом, выразившим свое негодование. В марте 1877 г. Альфред Теннисон написал знаменитый «Черногорский сонет» с целью обратить внимание общественности на борьбу югославянских народов за свое освобождение. Связи, существовавшие между Теннисоном и Гладстоном, лишь способствовали нарастанию его обеспокоенности судьбой далекой Черногории. В сонете отразилось характерное для Теннисона понимание последствий исторического противостояния турок и черногорцев.

Теннисон получил почетное звание придворного поэта, «поэта-лауреата». Его поэтическое красноречие воплотилось в целом ряде поэм, посвященных современным политическим событиям. «Черногорский сонет» был опубликован в мае 1877 г. в альманахе «Деятнадцатый век». Сам Теннисон считал этот сонет одним из лучших своих произведений, отдавая ему предпочтение перед другими поэмами. В том же самом выпуске альманаха Гладстон напечатал, в качестве комментария к сонету Теннисона, собственный обширный исторический трактат о Черногории⁷.

Все эти выступления в поддержку южных славян оказали значительное воздействие на политические решения, принятые просвещенным российским монархом. Александр II и его министр иностранных дел А. М. Горчаков пытались избежать во внешней политике прямого вмешательства России в события на Балканах, которое могло бы иметь опасные последствия. Кроме того, Александр II стремился сохранить Союз трех императоров России, Австрии и Германии, заключенный

⁵ *Shanon R. T. Gladstone and the Bulgarian Agitation 1876. Connecticut; Archon, 1975. P. 187.*

⁶ *Ibit. P. 187.*

⁷ *The Nineteenth Century. Vol. I. No. III. May 1877. P. 359, 360–379.*